

НЕТ ЦЕЛИ, НЕТ ЧЕСТИ, НЕТ
ЖАЛОСТИ

ИСААК ВАЙНБЕРГ

ОТМОРОЗОК ЧАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Исаак Вайнберг Отморозок Чан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67111791

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир после конца света. Герой проваливается на конечную станцию метро и пытается найти путь обратно – на поверхность. Но в этой истории всё далеко не так просто, как может показаться. Вам предстоит узнать, что же на самом деле случилось на планете, что происходит в метро и кто такой этот герой-одиночка, готовый убить первого встречного за пару сапог. Жестокая фантастическая драма, изобилующая руганью и насилием.

Содержит нецензурную брань.

Исаак Вайнберг

Отморозок Чан

Глава первая. Безумие

– Сынок, будет тебе, право слово! Ты меня совсем засмущал! Вон погляди ж ты – покраснелась, как сельская шлюха на исповеди! – Странная тётка со смущённой улыбкой махнула рукой в мою сторону. – Давай спускайся к нам чай пить – полно тебе тут, во мраке, заниматься всяким!

– Спускаться к вам? – удивился я. – Тут только один этаж, тётя...

– Ой, да пошёл ты на хер! – Странная тётка закрыла дверь, но я слышал, как, спускаясь по воображаемой лестнице, она приговаривала: – Кто же это был-то? Откуда он вообще тут взялся? Я даже не замужем, и вообще не помню, чтобы у меня дети рождались... Спаси Господь мою душу – кажется, я ёбнулась... И откуда тут эта лестница?

Наконец за дверью стихло. Хер его знает, что за нездоровая тётка это была, но удивляться тут нечему – на этой станции хватает пиздануток... Впрочем, как и везде. Печально вздохнув, я продолжил шерстить ящики.

Так-так, что тут у нас? Пульт для телевизора, банка тушёнки, патроны... До хуя проржавевших патронов... Ох! Если бы они были местной валютой, я бы сейчас разбогател, но патронами, к сожалению, расплачиваются только совсем

уж блаженные долбоёбы с экологических станций, а к экологам я не собираюсь...

Кажется, больше ничего ценного тут нет. Ну и хер с ним, возьму пульт и патроны – может, Андрей Алексеевич, старый пидор, и даст за них что-нибудь. Хотя... Что он за такую херню дать-то может? Разве что в жопу, да и то полпалки, а такие сценарии меня не особо интересуют.

Как-то двусмысленно прозвучало, правда? «Не особо интересуют» – сказал тоже! Словно я сам немного пидор... Короче, неправильно мысль свою изложил. Имел в виду вот что: расклад этот гомосексуалистический меня не интересует от слова «совсем», вне зависимости от того, полпалки там предлагают кинуть мне в задницу или целую – не пидор я, и в жопе моей движение строго одностороннее... В пизду, короче, эти патроны – вот к чему я мысль вёл. На этом точка.

Я высыпал патроны, которые уже успел припрятать в нагрудном кармане, на прогнивший, воняющий сыростью и мокрым цементом матрац, убрал в освободившийся карман пульт, пригладил волосы и вышел из помещения.

Помещение... Слишком громкое обозначение для маленького косого сарая два на два метра, наспех сколоченного их грубых досок и обтянутого рваным чёрным полиэтиленом.

Теперь я стоял на покрытой грязью платформе. Надо мной нависал низкий потолок, поддерживаемый двумя рядами изувеченных временем и тяжёлой жизнью гранитных

колонн. На платформе теснилось несколько десятков одноэтажных кривых сараев – по типу того, из которого я только что вышел. Вокруг сараев горами лежал различный хлам, тут и там были натянуты верёвки, провисавшие от веса сохнувших на них изношенных тряпок, многие из которых отдалённо напоминали одежду.

Эта отвратительная станция называлась «Достоевская», но чаще её упоминают как «Рыбацкую», а ещё чаще стараются не вспоминать вовсе. Жуткое место! Три года назад «Достоевская» была затоплена под самый потолок, но потом вода неожиданно ушла (хер его знает куда, да и мне, честно говоря, как-то похуй), а все стены так и остались обтянутыми зелёными водорослями и подводным мхом, отчего здесь вечно стоял запах цветущего болота – именно по этой причине, кстати, станцию в народе и прозвали «Рыбацкая».

На «Рыбацкой» живут самые бедные, опустившиеся люди. «Буржуазия» – как их прикола ради называют ближайшие соседи. «Убогие» сползлись сюда со всех сторон, словно мухи на говно, как только прошёл слух, что станция освободилась от воды. Они были искренне уверены, что найдут здесь своё счастье и заживут наконец как люди. Но, разумеется, жить лучше они не стали. Станцию трижды обшмонали ещё до них, и, конечно же, искатели не только вынесли всё, что представляло хоть какую-то ценность, но и успели оценить потенциал станции и представить итоги проведённого аудита общественности: «место хуйня – делать там нехуй». Но

«убогим» прикола ради рассказывали другую историю, полную надежд и охуенных перспектив, – и они, поверив этим рассказам, молниеносно колонизировали «Достоевскую», надеясь начать здесь новую жизнь. Но в сухом остатке «убогие» просто поменяли шило на мыло, а может быть, даже стали жить ещё хуже. Ведь раньше-то они хоть попрошайничать могли, а теперь у кого милостыню просить – у других попрошаек? А самое грустное – что обратной дороги для них нет, нахуй кому надо снова пускать к себе нищих. Опять целыми днями слушать их заебавшее до костного мозга «подайте монетку Христа ради»? Короче, отгородились от «Рыбацкой» обстоятельно – стреляют, иной раз даже не спрашивая, кто идёт и зачем, особенно если пришлых больше одной штуки (один ещё может быть торговцем, вреда от него немного, но вот два, а тем более три «бродяги» – это уже похоже на опасную миграцию голодных попрошаек, которую следует жёстко пресечь). Короче, у местных нет ничего ценного, и по этой причине тут редко бывают мародёры или торговцы из другой части метро. Да и я сам оказался здесь проходом – провалился в ёбаную щель и соскользнул в тоннель, упирающийся в «Рыбацкую».

Короче, я это всё к чему клоню: станция эта конченная, но так как она крайняя, а я выпал в тупиковом тоннеле, то мне, разумеется, пришлось идти через неё, и я был бы не я, если бы не решил проверить, действительно ли у «обиженных» нет ничего ценного, – пощупать за вымя, так сказать. Кто-то

сказал бы, что идея глупая – напрасная трата времени. Так вот, теперь пусть этот «кто-то» грызёт свои сапоги от зависти: ведь я нашёл невъебенной ценности артефакт – охуительный пульт! Заныкали-таки сокровище, ублюдки хитрожопые! А говорили – бедствуют! Я теперь на этот пульт половину метро скуплю! Да какую половину – ВСЁ, блять! Эх, да пизжу, конечно. Пульт этот ебучий ни хуя не стоит – я на компас его поменяю, если повезёт и на хуй не пошлют. Подумать только: самый охуенный сталкер – и без компаса ходит!

Но не стоит думать, что эта станция безобидная, раз на ней одни лишь бродяги живут. Слухи про это место ходят разные: одни рассказывают, что «опущенные» на всё метро обиделись и любого пришлого без разговоров на нож ставят. Другие говорят, что местные людей жрут. Вроде как еды тут совсем нет – вот они и повадились на поверхность выходить, а оттуда на другие станции мотаться: за припасами, за человечинкой. Заснёт кто на посту в тоннеле – а они его ХЛОП! На куски и по пакетам. А потом домой – люля-кебабы крутить. В общем, историй неприятных хватает... Может, пиздёж (даже скорее всего), но чё-то мне неохота было информацию эту препоганую на своей шкуре проверять – вот я сначала и решил насквозь тоннель прошмыгнуть, тихо, как мышь, на платформу даже взглянув, но жадная моя натура (из-за которой я, кстати говоря, и провалился в это злоебучее место, но это уже другая история) не дала мне упустить

возможность «пощупать карманы» местных жителей. В итоге я решил заглянуть в несколько сараев, чьих хозяев не было дома. В последнем из трёх встретил пизданутую тётку, которая приняла меня за своего сына, припиздил пульт этот ебучий (чтоб ему обосраться!) – и вот я тут, стою на платформе и думаю о всякой хуйне. И всё бы ничего – все мы время от времени любим хорошенько подумать, – но пока я тут предавался размышлениям, ёбнутая тётка привела подмогу. Вон они, идут на меня впятером (если считать саму бабу) – все тощие, в обносках, ебальники, кажется, недовольные... Точно недовольные! Бля буду: идут убивать!

Когда группа оказалась метрах в шести от меня, вперёд выбежала нездоровая тётка, у которой в доме «охуенная лестница». Она бежала, выставив перед собой руки и крича что-то нечленораздельное, но явно недовольное. Хер его знает, хотела ли она стиснуть меня в крепких материнских объятиях или же просто придержать, пока подоспеют людоеды покрепче, но на всякий случай я решил подстраховаться: выхватил из набедренной кобуры обрез и шмальнул ей в рожу из обоих стволов. Лицо разнесло к ебням. В клочья. Осколки черепа вперемешку с мозгами со страшной скоростью вылетели через затылок бабы и вонзились в рожу одного из бежавших следом мужиков. Он упал на колени и завопил, как последняя сука, закрыв изуродованное лицо руками. Ёбанный нытик! Не дожидаясь момента, когда эти ублюдки начнут понимать, что их убивают, я рванул вперёд. На

ходу бросив обрез, выхватил нож и с силой ударил в грудь ещё одного мужика, который, выпучив глаза, наблюдал, как вопит от боли его товарищ.

Нож вошёл тяжело. Я хотел ударить под рёбра и по кривой пронзить сердце, но взял высокомерно – нож застрял. Чтобы вырвать его, пришлось упереться в грудь мудака подошвой. Тот съехал с лезвия с мерзким скрипом металла о кость и мешком повалился на платформу. Двое оставшихся мужиков наконец-то поняли, что к чему, и с воплями ужаса рванули прочь, но я уже поймал кураж и не планировал оставлять их в живых – убрал нож в ножны, пустился в погоню. Люди выходили из своих сараев, с удивлением наблюдая за погоней, но не предпринимали никаких действий.

Внезапно один из ссыкунов решил сойти с дистанции – прыгнул в сторону, к открытой двери сарая, и скрылся внутри. Хули, за двумя зайцами погонишься... Пусть пока прячется – я пробежал мимо, крикнув: «Ссыкло!»

Ещё несколько десятков метров погони – и я настиг последнего трусливого каннибала. Удар ногой в спину – он упал вниз лицом, я кинулся сверху, схватил его за волосы и начал бить ебалом о каменные плиты платформы: удар, ещё, затем ещё и ещё. Он затих на десятом. Дальше я не считал, но, когда заканчивал, вместо глухого стука раздавалось мерзкое чавканье, а под остатками его головы растекалась огромная багровая лужа.

Я тяжело дышал, но времени отдыхать не было – нуж-

но разобраться с последним людоедом. Вытерев руки о штаны мертвеца, я достал пистолет из оперативной кобуры: когда-то это был «макаров», но теперь это «Дядь Толя», потому что мой хороший товарищ дядя Толя так его закастомизировал, что от «макарова» осталась лишь боевая пружина.

Я быстро шёл по станции, хмуро разглядывая косые сараи и пытаюсь вспомнить, в какой из них запрыгнул этот хитрый мудака. Местных зевак уже не было – видимо, просекли, что тут какая-то нездоровая петрушка творится, и поныкались. В конечном счёте я признал, что хуй вспомню, в какую дверь катапультировался этот охувший селезень, и начал выбивать все двери подряд. За ними меня поджидали забившиеся по углам местные, в основном женщины и дети – видимо, все мужики, кроме тех, кого я уже встретил, ушли охотиться на поверхность или умерли.

Наконец за одной из дверей я увидел его. Он сидел, прижав к себе двух пацанят лет по десять-двенадцать, наверное. Или по восемь? Хуй его знает – у меня детей никогда не было, я в таких вопросах понимаю мало.

– Вставай, гнида пучеглазая! – Я направил ствол ему в башку. – Хотел с мной перетереть за дела какие-то? Ну, вот он я – давай перетрём!

Он прижал детей к груди ещё крепче и поднял на меня испуганное лицо. Ублюдок явно понимал, что ему пиздец...

– Я... я... – начал заикаться он. – Что мы вам сделали? Зачем вы... Как... Почему вы нас убиваете??

– А вы, уёбки, впятером ко мне просто поговорить шли, так, что ли?! – проревел я. – Про погоду на поверхности хотели узнать?!

– Лена... Та женщина, которую вы убили... Она сказала, что сына нашла... Она сумасшедшая, но так настаивала... Вот мы и пошли... Мы не хотели вас сердить. Просто пришли посмотреть... Простите, пожалуйста... Очень вас прошу... Простите...

Я призадумался. В словах этого ублюдка была какая-то логика. В целом мужик я вспыльчивый, склонный к необдуманным действиям и аффективному поведению... Я вполне мог напридумывать себе такого, чего на самом деле и не было вовсе. Помню, как-то посреди ночи показалось мне, что товарищи в другой комнате смеются надо мной, злобно так, с издёвкой, – ну, я, недолго думая, гранату им туда и кинул. И вот хер его знает, действительно они там «хи-хи» с меня ловили или мне просто приснилось что-то, но история показательная: человек я крайне экспрессивный...

– Вот блятство! – наконец заключил я.

Четверых жизни лишил – и за что? Одно слово – отморозок... Я убрал ствол в кобуру. В глазах мужика – «матери-одиночки» вспыхнула робкая надежда.

Я развернулся и молча вышел. А хули было говорить? Извиниться за то, что убил четырёх человек просто потому, что мне что-то там показалось? Может, сирот новоиспечённых найти и перед ними тоже извиниться? «Простите, пиздюки,

за то, что я ваших папанек порешил с особой жестокостью, — мне просто чё-то показалось...»

Я стоял и, погрузившись в свои размышления, слушал, как где-то неподалёку вопит мужик с кусками чужого черепа в лице...

Идиоты, блять! Нахуя было впятером идти к незнакомому человеку, словно банда безумных людоедов? Разумеется, я перенервничал, решил подстраховаться и убил их всех. А как иначе-то? Мы живём в опасном мире. Ну его на хуй, короче! Так и ёбнуться недолго... Не буду я сожалеть ни об этих идиотах, ни о детях их сиротах — мы не в сказке живём, у нас тут ёбанный постапокалипсис, а детям тут вообще делать нехуй. В следующий раз головой думать бу... Погоди-ка! Какое, нахуй, «посмотреть»? Там было четыре мужика с суровыми ебальниками! Я что, первый день родился? Этих пидоров я валить стал, потому что знаю, с какой рожей идут людей убивать! И у этих мразей были именно такие рожи... Вот же ж пидор — на жалость меня развёл!

Я резко развернулся и ударом ноги выбил дверь. Уёбок сидел на полу и что-то шептал своим пиздюкам.

— Ты кого тут, сука, наебать удумал?! — Не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, я вынул пистолет и закатал две пули прямо в его удивлённое ебло. Последний каннибал повалился назад, воткнувшись головой в пол, словно начинающий борец, решивший «встать на мостик».

В ушах звенело от выстрела, дыхание спёрло от пороховых

газов – вот поэтому я никогда, блять, не любил стрелять в тесных помещениях. Оба пиздюка с удивлением смотрели на меня, и страха в их глазах я не заметил.

– Ваш батя был тем ещё хитрожопым гондоном, – заметил я. – Будете вести себя, как он, – я вернусь и прострелю вам обоим ебальники. Договорились?

Один из пиздюков коротко кивнул, второй молча смотрел на меня. Я посмотрел на того, что поговорчивее:

– Братана твоего контузило, по ходу, – объяснишь ему потом, что я от вас хотел?

Он снова кивнул. Смышлёный малыш – уверен: когда подрастёт, найдёт меня и отрежет башку тупым ножом. Надо бы подстраховаться – ёбнуть его, да не за что пока.

Я вышел из сарая. Все по-прежнему ныкались. Тишину продолжали рвать вопли того самого мужика. Пиздец нытик! Я двинулся через станцию. Дойдя до самого конца, спрыгнул на пути и скрылся во мраке тоннеля.

– Бля-я-я-я-ядь! Забыл ёбанный обрез...

Глава вторая. Плоть от плоти

Что за блядство? Хорошо, хоть вспомнил про обрез сейчас, а не когда дошёл до другой станции! Охуенный ствол – я его в карты выиграл. Нахуя я вообще его сбросил? Эти дебилы так туго соображали, что я мог не только в кобуру его успеть спрятать, но и почистить перед этим, и воском рукоять натереть. Ох, надеюсь, его ещё не спиздили! Переживаю,

как за родного...

Я вышел из темного тоннеля обратно на станцию и залез на платформу. Крики мудака с осколками черепа в роже звучали приглушённо и всё больше походили на скулёж. Я пошёл в направлении голоса ебучего нытика.

Со стороны эта сцена наверняка смотрится охуенно: мрачная, грязная станция, тускло освещённая масляными лампами; платформа, заставленная грубо сколоченными сараями, окружёнными со всех сторон разным хламом; раздражающие тишину вопли, эхом отражающиеся от стен и потолка, и невъебенный бородатый сталкер, весь измазанный кровью, одиноко шагающий по платформе... Сука, ну почему я не поэт? Хотя, если бы я, ко всем своим прочим достоинствам, был ещё и поэтом, то стал бы конкурировать в совершенстве с самим Господом Богом, а его бы это явно раздосадовало...

А вот и наш нытик – лежит на полу, уткнувшись лицом в пол, и воет, как скучающий по хозяину пёс. Дойдя до него, я присел на одно колено, достал нож и с силой воткнул ему в затылок. Уёбок затих, как магнитола, отключённая от сети.

Наконец-то заткнулся! Он, наверное, и сам рад, что его убили. Мне даже показалось, что он прошептал: «Спасибо, что подарил мне покой, друг». Пизжу, конечно, ничего такого мне не казалось – этот уёбок лишь засучил ногами, словно решил уехать от меня на воображаемом велосипеде, и через мгновение обоссался. Я определил это по пятну, быстро растущему на штанине его уёбищных самодельных брюк

из грязной серой мешковины. Сука, как такие штаны вообще носить можно?! За одно только это тебя стоило убить! Я вырвал нож из затылка (не из своего, разумеется), вытер об «охуенные» штаны мертвяка, убрал в ножны и внимательно осмотрелся вокруг...

Опа! Вот он! Лежит всего в каком-то метре от меня! Какой же ты красивый! Шикарный, блять, обрез! Я бросился к нему с глазами, полными слёз счастья, и моя душа трепетала: неужели мы, преодолев столько невзгод, снова вместе? Я обнял его что есть сил, и мы закружились в приветственном танце, словно два белоснежных лебедя...

Нет, это уже хуйня какая-то... Обрез реально отличный, но про слёзы счастья и прочее – это всё пиздёж, не было такого. А было вот как: я просто проехал на одном колене до своего первоклассного обреза, схватил, потрепал за деревянный бочок и запихнул обратно в набедренную кобуру.

– Больше не убегай от меня, ублюдок ты двухствольный! – ласково прошептал я и похлопал ладонью по кобуре.

Ну всё, тут мы закончили – пора сваливать! Итоги миссии: пять убитых канибалов. Добыча: один сраный пульт. Пнув напоследок тело мёртвой тётки, я, громко насвистывая мотив любимой песенки, отправился обратно в тоннель. Войдя в него, включил полудохлый фонарик, висящий на моей разгрузке... Сука, ни хуя не светит! Ебучий день! От души врезал по нему кулаком. Заработал, пидор!

Так, о чём это я? Ах да. Ебучий день! День этот и вправду оказался максимально ебучим. Последние две недели я провёл на поверхности, и мне охуенно везло: хабара немеряно, никаких стычек, грязных ветров почти нет, чёрных смерчей тоже. В итоге я забил свой УАЗик так, что впору баранку с капота крутить – в салон хуй влезешь, – и, довольный, как слон после помывки, поехал обратно, на родную «Кондратьевскую», чтобы там распродать барахло и пожить на всю катушку пару месяцев. Еду, значит, себе, жую вяленую курятину, песни под нос мурчу, по сторонам глазею, солнце светит – заебись! И тут вижу: в паре метров от дорогидохлый сталкер лежит, в охуенной снаряге... Ну и что, вы думаете, сделал я, будучи затаренным по самую шею? Ну конечно же, блять, решил снять ценный обвес с этого ебучего сталкера, чтоб его труп олени трахнули!

Короче, заглушил мотор, вылез из УАЗика и, словно счастливая семилетняя девочка, увидевшая красивую бабочку, поскакал кдохлому сталкеру, предвкушая, какие ценности с него сейчас сниму. Под ноги при этом я, разумеется, не смотрел – я же долбоёб. В итоге провалился в блядскую щель, проскользил метров двадцать вниз и ёбнулся на рельсы, ну а дальше вы знаете. Выбраться обратно через эту щель было нереально – если бы я даже смог раздобыть стремянку, у меня один хуй не было необходимой снаряги, чтобы подняться на поверхность через разлом. При этом сама станция заблокирована, то есть подъёмы завалены к ебням. Вот так

вот я и остался в положении «висит груша – нельзя скушать»: УАЗик всего в нескольких десятках метров, но добраться до него можно только сделав крюк в несколько километров.

Вот поэтому я и говорю: день этот максимально ебучий... Ну да ладно, хватит на жизнь жаловаться – я же не нытик какой! Надо придумать, как УАЗик вернуть, пока его другие сталкеры не распотрошили.

Конечно, я могу подняться на поверхность с «Советской» и доковылять до УАЗика пешком – именно так поступил бы любой уёбок. Но я-то не уёбок, и прекрасно понимаю, что это очень хуёвый план: во-первых, у меня нет защиты – она осталась в тачке, – а без защиты при первом же грязном ветре я сдохну, с гарантией. Во-вторых, у меня мало боеприпасов, совсем нет хавчика и даже воды. Да, я мог бы прикупить новую снарягу, патроны и провизию на «Советской» или дойти до «Первомайской» и затариться там (у них-то ассортимент побогаче и товар посерьёзнее), но, бля, бабок у меня нет от слова «совсем», а у этих пидоров с «Достоевской» не нашлось ничего ценного, если не брать в расчёт пульт. В общем, платить за снарягу нечем, да и вообще идти пешком от «Советской» слишком далеко и слишком опасно, даже при достойной экипировке, так что остаётся один-единственный вменяемый вариант: вернуться домой, на «Кондратьевскую». Там снаряжусь как следует и попрошу кого-нибудь из пацанов подбросить к «Достоевской». Это уже похоже на план, только вот в любом случае по пу-

ти придётся найти немного бабок, хотя бы на жратву, чтобы до «Кондратьевской» хватило, иначе придётся крыс ловить. Крысы, конечно, заебись вкусные, но, пока их жрёшь, всю рожу расцарапают!

Мысленно утвердив план дальнейших действий в окончательной редакции, я бодро зашагал по шпалам, но, поскольку фонарь выхватывал из темноты лишь полметра пространства передо мной, я быстро отказался от бодрой походки в пользу медленной и осторожной, чтобы не споткнуться о какую-нибудь хуету и не сломать ебальник о рельсы.

Да уж, тот ещё денёчек! С другой стороны, то, что я сейчас пустой, – это даже хорошо, потому как следующие две станции очень неприятные: «Василеостровская» и «Пушкинская». Среди людей их кличут «Пиратской» и «Гадской». И не зря. Живут там крайне мутные люди. Да какие, на хуй, люди – уёбки там обитают, притом конченные! Именно они, кстати, эмигрантов с «Достоевской» и отстреливают при любой возможности, а другие станции им за эту помощь всякие ништяки засылают. Короче, хорошо, что я пустой: взять у меня нечего – так что, глядишь, пропустят, не сильно выёбываясь, если не примут за мигрирующего представителя «буржуазии» и не решат вальнуть.

Я шёл уже минут сорок и порядком подустал, а впереди по-прежнему была лишь чернота тоннеля. Но только я решил возмутиться по этому поводу, как луч фонаря выхватил стену прямо перед моим лицом: дорогу мне преградил завал.

Заебись!

Откуда он тут? Эти психопаты с «Пиратской» решили перейти к более радикальным мерам борьбы с эмигрантами и завалили тоннель? Вот же ёбаные пидоры! Неужели я заперт на «Достоевской»? Да нет, быть того не может – местные должны хоть как-то выбираться в остальную часть метро или хотя бы на поверхность, иначе с голоду бы сдохли давно! Кажется, я что-то упускаю... Эх, жаль, карта в машине осталась!

Я внимательно осмотрел завал: бетонные плиты, земля, листы железа... сука, откуда этот завал всё-таки взялся-то? Я попытался восстановить карту у себя в голове: так... «Советская», «Пушкинская», «Василеостровская»... «Николаевская»! Вот блять! «Николаевскую»-то забыл! Заблокированная станция! Ещё одна причина, почему на «Достоевскую» никто особо не зарился, – на неё только через «Николаевскую» попасть можно, а «Николаевскую» ещё до потопа на «Достоевской» капитально завалило – вся станция осела. Вроде как взорвалось над ней что-то, или здание рухнуло – хрен вспомню. Но, насколько я знаю, тут где-то лаз должен быть протяжённостью метров пятьдесят – только по нему на «Достоевскую» попасть и можно...

Я снова стал осматривать стену. Оттащил один лист металла, второй, третий... Вот он, родимый! У края завала свет фонаря выхватил тёмный кривой проём размером примерно метр на метр. Вот, блять, реально узкий! Теперь понятно,

почему на «Достоевской» толстожопых нет, – не пролезли. Ну что ж, делать нечего – я снял фонарик с груди, взял его в руку, встал на четвереньки и заполз в тоннель.

Сука, тут ни хуя не метр на метр! Чем дальше я продвигался, тем уже становился этот ебучий лаз. Если сначала я мог передвигаться на четвереньках, то спустя несколько минут уже полз на брюхе, зажав в зубах фонарик, выставив перед собой руки и отталкиваясь от стен ногами.

Нет, ну лаз, конечно, мастера копали: хер с ним, что ребятам стало впредь рыть его в полный рост, но, блять, стены-то и потолок можно было хоть как-то укрепить! От обвала этот злоебучий тоннель защищает только... Да ни хуя его не защищает от обвала!

Ну вот, нахуя я сейчас об этом думаю, а? Мало мне других переживаний, что ли? Моё очко и так уже сжато до размеров микрона, а холодный пот застилает глаза – зачем я ещё об обвале думать стал? Ох, бля, скорее бы кончился этот блядский тоннель, и только бы он, блять, не обвалился! А если в конце лаза завал? Как я отсюда раком выползу? Всё! Хватит об этом думать! Как-нибудь вы...

Внезапно из глубин лаза раздалось какое-то утробное хрипение...

А это ещё что за хуйня, блять, такая?! Сука!.. Нет, пожалуйста, только не сейчас! Надеюсь, мне просто послышалось...

Хрипение повторилось снова, но уже гораздо ближе, и

внезапно переросло в душераздирающий высокий вопль, приближающийся ко мне со страшной скоростью.

– Ёб твою ж, на хуй мать! – заорал я, резко убирая под себя руку в надежде успеть достать пистолет.

В этот момент в свет фонаря ворвалась совершенно жуткая тварь: рожа вроде человеческая, а вроде и нет, словно разорвана по вертикали, а внутри хуй знает что... Слизь какая-то, и ещё.. Глаза! Огромные совершенно белые глаза, без век! Тварь заполнила собой весь тоннель и, внезапно остановившись, вытянула ко мне свои руки – почти человеческие, если не считать того, что ни хуя человеческого в них нет. Если бы осьминог трахнул человека, именно с такими руками родился бы их ребёнок... Хотя нет – надо, чтобы человека ещё и паук перед этим трахнул. Сука, что за мразь-то такая?

Я стал отбиваться свободной рукой от его жутких конечностей и в это время смог-таки справиться со своей кобурой. Вынув ствол, направил его на эту неведомую жуткую хуйню и начал судорожно давить на спусковой крючок – я так торопился захуячить это чудовище, что выстрелы моего пистолета были похожи на автоматную очередь. Брызги крови попали мне в глаза. Я зажмурился, затем попытался проморгаться. Ни хуя не вижу...

Я ослеп! Сука, я ослеп! Вокруг меня темнота! Только, блять, не это! Только, блять, не сейчас! Что это? Свет? Вух! Да я же просто фонарик выплюнул! Быстро подняв его, я стряхнул с фонарика какие-то склизкие ошмётки.

Из-за пороховых газов почти ничего не видно, дышать тоже нечем, а в ушах звенит так, словно рядом со мной взорвалась ядерная бомба. Наконец дым немного рассеялся, и я смог разглядеть его... Или её... Да похуй, я не биолог, но одно могу сказать с большой уверенностью: неведомое существо, по ходу, сдохло. На всякий случай я поменял магазин в пистолете, а затем протянул руку и потрогал неведомую тварь. Тёплая. Но как узнать,дохлая она или просто спит?

Спит? Охуенное время, чтобы вздремнуть! Может, она в отключке – типа сознание потеряла? Надо попробовать нащупать пульс.

Когда мне наконец наскучило облапывать эту склизкую хуету, я признал, что неспособен понять, действительно ли у неё отсутствует пульс или же я просто не знаю, где его можно прощупать.

Ладно, пока будем считать, что жуткая хуёвина сдохла. А что делать дальше? Надо как-то вытащить эту тварь отсюда, потому что еёдохлая туша загородила мне проход... Хотя нет – сначала вылезу назад, отдышусь немного, а потом залезу вновь и попытаюсь выволочь эту херь.

Я начал сдавать назад, на всякий случай выставив перед собой пистолет (мало ли, этот плод любви человека с пауком и осьминогом очнётся).

Внезапно я упёрся во что-то ногами и чуть не высрал сердце: неужели его друг пришёл на крики товарища, чтобы помочь меня захуярить?.. Но почти в тот же миг я взял себя

в руки – мои подошвы явно упёрлись во что-то твёрдое, а эта хуйня мягкая и слизкая, как говно облучённого. К тому же, будь у меня за спиной монстр, он бы уже ел меня, а не терпел, пока его по мерзкой роже елозят грязными сапогами. Так что, думаю, мои ноги упёрлись в стену... Но как такое возможно? Завал – вот как! Злобучий тоннель завалило. Видимо, я не услышал этого из-за выстрелов и звона в ушах. Ну просто заебись!

На всякий случай, в надежде на то, что затор всё-таки поддастся, я ещё несколько раз лягнулся ногами, как олень. Хотя почему «как» – я и есть ёбаный «олень»: угораздило меня, блять, позариться на обосранную снарягу того обосранного сталкера!

Ладно, сделанного не воротишь... Итак, что мы имеем? Сзади завал. Спередидохлый (предположительно) мутант. Интересная ситуация...

Короче, вариант у меня всего один: ещё метров тридцать толкатьдохлого (спящего) мутанта, до самого выхода из этого жуткого, тесного лаза.

Да уж, денёк что надо! Я немного прополз вперёд и осветил фонарём надохлую тварь – фу, блять, только сейчас заметил, как она смердит! Словно гнилую собаку сварили, смешали с дерьмом и на два часа оставили под палящим солнцем.

Итак, с чего начать? Надо проверить, точно ли он сдох... Я взял пистолет за казённую часть и ёбнул им тварь по тош-

нотворной роже. Кажется, ей похуй.

Ладно, давай по-другому – я перекинул пистолет в левую руку, достал нож и воткнул твари в башку.

Да! Она определённо дохлая!

Я с облегчением выдохнул, убрал пистолет в кобуру, а нож в ножны, упёрся руками в тварь, а ногами – в стены и что есть силы попытался протолкнуть тварь дальше по лазу. Но ни хуя не вышло. После нескольких попыток я понял, что эта поебота каким-то одной ей ведомым образом зафиксировала себя в проходе...

«Это очень плохо...» – произнёс я и крепко задумался.

Минут через пять (а может, и через сорок, – хуй его знает) в моей голове созрел новый план: разделаю эту тварь ножом и вытолкну из лаза по кускам или же пролезу прямо сквозь неё – как пойдёт.

Я снова достал нож и подполз к твари. Потом несколько минут думал, с какой стороны начать её пилить. Наконец, решившись, ухватил под ту часть, которая, по-видимому, является подбородком, потянул на себя и вонзил нож в открывшуюся моему взгляду шею.

Кровь фонтаном ударила меня в лицо (неужто у неё до сих пор сердце бьётся?). Подождав, пока кровь перестанет фонтанировать, я начал пилить шею. Поначалу дело спорилось – мясо твари было податливое, – но потом я упёрся в позвоночник, который пилил минут двадцать...

«Он что, блять, из стали у неё был?» – обливаясь потом,

пробурчал я, когда оторвал наконец-то башку.

Протиснул голову твари сбоку от себя и отпихнул назад, вглубь лаза. Что дальше? Передо мной лежали бесформенная куча обтянутого мерзкой кожей мяса, две клешни и дырка от башки с торчащим обрубком позвоночника.

Хуй его знает, с какой стороны подступиться к этому дерьму! Я решил сильно не думать (так и ёбнуться недолго) и принялся хаотично отрезать от твари кусок за куском.

Спустя минут сорок я был весь мокрый от пота и крови. В ушах звенело – то ли до сих пор от выстрелов, то ли я был готов потерять сознание из-за недостатка кислорода (чёрные пятна в глазах указывали как раз на второе). Я бил ножом как попало и забрался в эту тварь уже по самый пояс. Со всех сторон меня сдавило смердящими внутренностями неведомой хуеты. Сложнее всего оказалось разломать рёбра, но, когда я с ними покончил, дело осталось за малым.

Наконец сквозь тушу я увидел тьму – продолжение лаза с обратной стороны твари. Воодушевлённый, начал работать активнее. Приятный ветерок обдувал моё лицо, словно пытаясь приободрить. Я остановился и с наслаждением сделал несколько глубоких вдохов. Похуй, что одновременно со свежим воздухом в нос мне бил тошнотворный смрад внутренностей твари!

Немного отдышавшись, я снова принялся за работу: бей, пили, бей, пили, бей, пили, снова и снова, снова и снова... И вот наконец я преодолел тошнотворное тело твари – слиз-

кий, словно червь в коровьих кишках. Слава тебе, блять, Господи!..

Дальше я полз по узкому лазу так, словно это было моим любимым занятием. Хуй его знает: может быть, я даже улыбался. И неожиданно упёрся в стену...

Слава богу, она оказалась металлической... Я толкнул стальной лист рукой – он подался вперёд и с грохотом упал.

Наконец я вылез в тоннель метро. Насквозь мокрый, смердящий, как сдохшая две недели назад лошадь, донельзя охуевший, но абсолютно счастливый: я не замурован в тоннеле, я жив, и это охуенно!

Глава третья. Где живет спаситель

Я шёл по тоннелю уже достаточно давно. Далеко впереди уже был виден тусклый свет – через пару минут буду на «Пиратской». После тесного лаза идти было одно удовольствие: стены не трутся о плечи, яйца не трутся об землю, заебись. Жизнь снова налаживается. Сейчас бы похавать, и вообще была бы сказка. А знаете что? Хер с ним, с компасом – продам этот вонючий пульт на «Пиратской» за пару сотен и куплю какого-нибудь точива.

Наконец, я дошёл до источника света. Им оказалась левая фара проржавевшего электропоезда – он стоял, загораживая собой проход на станцию. Пространство между поездом и стенами тоннеля завалено мешками, под поездом – завал из кирпичей. Пройти дальше можно, походу, только через ок-

но, и то, только если с него сетку металлическую уберут.

Да, ребята замуровались как следует, а вот охрана тут, походу, не особо бдительная...

– Эй долбоёбы! – крикнул я, решив помочь нерадивым погранцам проснуться. – А ну подъём! Враг у ворот!

Через несколько мгновений из оконного проёма поезда, прямо в мою улыбающуюся рожу, ударил луч фонаря.

– Ты, фраер, совсем охуел?! – раздался из окна возмущённый голос. – Ты чё проход попутал? Цирк в другой стороне, «Вася»! Уёбывай, пока рожей пулю не словил!

– Мамка твоя «Вася», – отмахнулся я, щурясь от яркого света. – Открывай, блять, ворота!

Фонарик задергался из стороны в сторону, началась возня, затем что-то скрипнуло, и металлическая сетка упала, открывая проход.

Как я и говорил: «Пиратская» – очень опасная станция, тут нужно себя вести максимально деликатно.

– Лестницу хуй спущу, – буркнул голос из темноты. – На руках подтянешься, «шерсть» охувшая.

На секунду меня посетило желание крикнуть: «Лови гранату!», но быстро справился с собой – не стоит усугублять и без того напряжённую обстановочку. Ухватившись за проём, я подтянулся и заполз в тесную кабину поезда. Тут не было никого, кроме молодого рыжего уёбка с автоматом, одетого в синий рабочий комбинезон. Ебало, кстати, заспанное – так и знал, что спит на посту, гнида.

– Ох ты ж ёбанный свет! Что с тобой приключилось-то?? – скривился рыжий уёбок, плотно закрыв рот и нос рукой. – Смердишь ещё хуже, чем выглядишь... Ты это, слышь, дядь, я тебя в таком виде на станцию не пропущу. Без обид. Ты ж, блять, сразу какую принёс, по-любому.

– Да не нервничай, малой, всё нормально, – успокоил рыжего уёбка я. – Нет на свете такой заразы, которую на станцию ещё не принесла твоя мамка...

– Ты это, слышь! За базаром следи! Хорош мамку мою поминать! Умерла она – уёбок явно напрягся. Сжал автомат свой так, что костяшки побелели.

Ладно, я же в некотором смысле психолог, сейчас разрулим:

Я резко выбросил кулак ему в ебло. От удара рыжего уёбка мотнуло назад, и он вцепился башкой о перегородку кабины. Не тратя времени даром, я выбил из его рук автомат, затем схватил одной рукой за шею, а другой выхватил обрез из набедренной кобуры и направил в испуганную рожу.

– Ты чё, петух наблатыканный, хамить удумал?! – взревел я, изобразив суровое ебало.

– Да ты чего, дядь!? Я не хамил! Ты же сам начал! Чего сразу драться-то? Я тут спал просто, никого не трогал... – затараторил испуганный ублюдок.

– Не понял – ты что сейчас мне сказать пытаешься? – злобно сощурился я. – Что я, пришёл к тебе, унижал тебя, оскорблял, а ты весь такой хороший, так получается?!

Я сделал максимально суровое ебало и придвинул его в упор к роже рыжего ублюдка. Глаза пацана округлились от ужаса.

– Нет-нет! Я... Я ничего такого не говорил! Мужик, ну бля... Ну успокойся! Убери свою пушку, а? Нахуй ты заводишься?

– Ах ты залупа ты конская... – я стал трясти рукой с обрезом, изображая нервную дрожь. – Ты ещё и насмехаешься надо мной, щегол?! Думаешь, мне слабо курок спустить? ЗА ЛОХА МЕНЯ ДЕРЖЕШЬ, ТВАРЬ!?

– ПРОСТИ МЕНЯ!!! – завопил уёбок. – НУ ПОЖАЛУЙСТА! НУ БРАТАН! НУ ИЗВИНИ!!!

– Думаешь, я весь в кровище и кишках, потому что для меня человека убить большая моральная проблема?! – Я со страшной силой вжал ему в рожу дуло обреза (точнее два дула) и скривил максимально яростное и безумное ебало. – СМОТРИ, ГНИДА, НАСКОЛЬКО Я ЛЮБЛЮ УБИВАТЬ!!!

– НЕЕЕТ!!! – отчаянно завопил уёбок.

Я нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок, в тот же момент рожу рыжего ублюдка озарила гримаса осознания того факта, что ему пиздец, и.... И никуя, разумеется – ствол-то не заряжен, последние два патрона я истратил на «Достоевской».

Я опустил ствол и громко рассмеялся. Господи боже, как же сильно я смеялся... Я смеялся так, что слёзы лились во-

допадом, смеялся долго – очень долго. Наконец, я посмотрел на рыжего уебка, сквозь застланные слезами глаза: лицо его выражало крайнюю степень смятения.

– Вот блять...Сука... Видел бы ты свою рожу...– даваясь от смеха заговорил я – «Нет, нет, я ничего такого не говорил. Простите, пожалуйста! Неет!». Ну ты и ссыкун, конечно... Ствол то не заряженный!

Посмеявшись ещё секунд двадцать, я резко убрал улыбку с лица, стер слёзы, спрятал охуенный обрез обратно в кобуру, оттолкнул пиздюка в сторону со словами «съебал с дороги», и козырной походкой вышел из кабины.

В вагоне было пусто. Сиденья скручены, всё пространство заставлено коробками и ящиками, окна закрашены белой краской, из освещения лишь одна масляная лампа. Я не спеша прошёл через весь вагон, по-хозяйски заглянув в пару коробок, в которых оказались какие-то тряпки, и вышел на станцию через дальнюю дверь, занавешенную вонючим шерстяным одеялом. В глаза мне ударил свет.

Нихуя себе, да у них тут электрическое освещение – живут на широкую ногу...

На станции было гораздо светлее, чем на «Достоевской», потому как некоторые лампы на потолке были запитаны от генератора. Надо заметить, что так транжирить топливо мало кто может себе позволить – больно дорогое удовольствие. Походу у местных на поверхности солидный схрон, ну или у кого-то важного сегодня свадьба.

Из «недвижимости» на «Пиратской» были не только деревянные сараи, но и более солидные металлические сооружения и даже парочка двухэтажных домов из кирпича, а в центре зала возвышалась самая здоровенная постройка, упирающаяся в потолок. Кстати, обычно в самых здоровенных зданиях устраивают клубы отдыха или кабаки, а где кабаки – там и торговцы, и значит, я знаю куда мне надо попасть...

Я не спеша двинулся через станцию, подмечая курятники, свинарники, грядки под светодиодным освещением, было на станции даже несколько коров. Да и люди не выглядели бедными: хорошо одеты, по большей части упитанные, лица довольные, ценные вещи, которых тут хватает, хранят на виду – значит воровство тут редкость... Да и охрана ходит тут и там: вооружены хорошо, в основном крепкие мужики, не то что рыжий пиздюк в поезде (видать, ставят на тот пост только бесполезных желторотых щеглов).

Короче, или мне про эту станцию нагло пиздели или тут власть сменилась. Я был уверен, что тут у них отвязный бандитский притон, но нет – живут неплохо и явно как люди, а не как шакалы. Может и зря я пиздюка того прессанул... Хотя, вообще-то похер – нечего на посту спать и впускать кого попало, не посоветовавшись со старшими – вдруг я асоциальный элемент какой, для людей опасный.

Пока я шёл через станцию, люди удивлённо оборачивались на меня. Хотя, их лица скорее выражали отвращение, нежели удивление. Уверен, выгляжу я хуёво, а воняю ещё

хуже. Надо срочно найти, где помыться и почистить тряпки, пока служители порядка не выкинули меня из этого приятного места.

Ускорив шаг и озираясь по сторонам, я дошёл до большой постройки в центре станции. Я оказался прав – на стене у двери чёрной краской было написано: «Бар», и чуть ниже «Рынок». Двойное попадание.

Прямо у входа сидел совсем маленький пацан лет десяти, наверное, и тощий как спичка. Сидит с вытянутой рукой – бездомный значит, на паперти. Когда я приблизился, пацан поднял на меня голодные, умоляющие глаза и робко протянул руку, безмолвно прося побаловать монеткой.

– Пошёл на хуй, – грубо буркнул я, оттолкнул руку и вошёл в дверь.

Я попал в небольшую тускло освещённую комнату с низким потолком. По краям комнаты стояло два длинных стола, заваленных всякой хернёй: консервы, шмотки, мясо, патроны, даже пара самодельных стволов. С противоположной стороны комнаты была ещё одна деревянная дверь, на которой было выцарапано слово «Бар». Стены, пол и потолок комнаты были обшиты коричневым линолеумом, который вспучился и обвис везде, где только можно – в общем, охуенный ремонт – не те ли молодчики мастырили, которым лаз через «Николаевскую» рыть доверили?

В помещении не было никого кроме меня и торговца – жирного мужика в растянutom свитере. Увидев меня в двер-

ном проеме, жирный торговец начал было радостно улыбаться, но как только мерзкий запах достиг его ноздрей, сразу сменил улыбку на презрительную мину.

– Торгуешь? – сухо спросил я.

– Торгую, – сухо ответил он.

Я достал из кармана пульт.

– Короче, у меня был очень хуёвый день, – начал я.

– Я заметил, – скривился торговец, смерив меня взглядом.

– Я не про это, – махнул рукой я. – кровь на моей одежде – дело обычное. Не понравилось мне, недавно, как один жирный хуй со мной базарит, надменно так, по-охуевшему, вот я его пополам и разорвал...

– Я так рад вас видеть! Не хотите ли чего-нибудь купить, или, быть может, продать? – жирдяй натянул самую дружелюбную улыбку, какую только был способен изобразить.

– А вот, кстати, хотел бы, – кивнул я. – Я только что с поверхности вернулся, попал там в серьёзную передрагу – еле ноги унёс. Всю снаряду бандитам оставил, но пульт свой любимый прихватить успел. Охуенное, высокотехнологичное устройство: универсальный, настраивается под любую технику, и телик любой берёт и магнитола, батарейки новые, сам ставил. Короче, хуй бы продавать стал – сам пользуюсь, но делать нечего – бабки нужны. За сколько возьмешь?

Жирдяй взял пульт и долго вертел его в руках, внимательно изучая... Слишком долго. Ещё секунда и я дал бы ему в ебло, чтобы ускорить мыслительный процесс, но жирный

торговец, словно слышал мои мысли:

– Точно универсальный? – с недоверием спросил он.

– Обижаешь! – я выхватил у него из рук пульт и стал показывать на разные кнопки:

– Вот тут зажимаешь и направляешь на телек, потом вот сюда жмешь, а потом уже

сюда, ну и всё! Я на «Советской» проверял на трех ящиках – пульт пашет как положено... А знаешь что? Не надо мне на слово верить! Давай к твоему ящику сразу подключим, где он тут у тебя?

Ясен хуй, телевизора тут не было, и это сразу ясно любому, у кого есть глаза. Также ясно, что пульт этот никудышный не универсальный. А еще ясно, что кнопки, в которые я тыкал, хуй знает, что делают, но точно не настраивают этот пульт на работу с разными телевизорами. Я даже не уверен, что он от телика вообще. Короче, вся надежда на то, что этот пидор куда менее искушенный торговец чем те, кто работают на «Торговой» или «Караванной».

– Так, а сюда ты зачем пришёл? – спросил жирдяй с недоверием. – Ты ж неместный, вроде. Чего на «Советской» не продал?

– Да я и не собирался продавать, чем ты слушаешь, вообще? Говорю же: себе взял. А к вам на станцию пришёл друга навестить – Андрюху «Сапёра», может знаешь? Думал он мне денег одолжит, чтобы до дома добраться, а его как назло не оказалось – говорят на поверхность ушёл. Вот и прихо-

дится выкручиваться...

Торговец снова взял пульт и принялся изучать с удвоенной силой, периодически поднимая недоверчивый взгляд на меня... Изучает падла, проверить игрушку не на чем, ну или в падлу заморачиваться, а универсальный пульт охота – за него штуки две можно выручить спокойно. В пультах он сечёт мало, вот и смотрит всё на рожу мою: пиздабола вычисляет.

– Триста рублей дам. Нормально? – наконец выдал он.

Ха! Рыбка клюнула! Пора вытягивать:

– Да ты охуел что ли? – возмутился я. – Увидел человека в безвыходном положении и воспользоваться решил, мразь!?

– Ладно, ладно! – поднял руки он. – Шестьсот?

– За шестьсот батарейки уступить могу, а за пульт минимум штука!

– Семьсот?

– Восемьсот, плюс комбез какой-нибудь потеплей, и помыться мне оформишь.

– Семьсот и все, что ты перечислил.

Я сделал вид, что крепко задумался, хотя на самом деле находился в финальной стадии заключения лучшей сделки в моей жизни (не считая случаев, когда я забирал вещи под угрозой расправы), так как цена этому пульта – две сотни максимум, да и то, если он работает, в чем я сильно сомневаюсь.

– Эх! – наконец махнул рукой я. – Ладно! В другой ситу-

ации послал бы тебя нахер, но положение у меня безвыходное... По рукам!

Торговец, тоже явно довольный сделкой, подобрал мне комбез, и подсказал как дойти до помывочной, добавив на неё ещё десять рублей сверх оговоренной суммы.

Помывочные тут были самые обычные: деревянные надстройки у платформы, с установленными поверх бочками. Особо в них не понежишься – вода ледяная, но сейчас я был готов мыться даже в луже. В общем, через полчаса я вышел из помывочной чистый и довольный. Старый комбез я брезгливо выбросил на пути – отстирать его уже не получится, так пусть хоть крыс от станции отпугивает. Теперь на мне был надет чистый зелёный комбинезон, мои любимые тактические сапоги, которые я смог отмыть, ремень с набедренной кобурой, в которой отдыхал обрез, оперативная кобура, в которой висел «Дядя Толя», и чёрная разгрузка, которая всё же немного пованивала, но не выбрасывать же такую ценную вещь.

Ещё немного подумав о своём потрясающем внешнем виде, я закатал рукава, чтобы все видели мои солидные армейские часы и охуенные накаченные предплечья, поставив тем самым точку в создании образа идеального мужика.

Ну, теперь в бар! Жрать хочу – умираю.

У бара меня встретил маленький попрошайка с грустными глазами. Он снова протянул ко мне свою тощую руку... В тот раз я был груб с ним, потому что у меня не было ни де-

нег, ни еды, чтобы помочь ему, но в этот раз мне будет нечем оправдаться перед своей совестью. Я остановился рядом с ним, вынул из кармана пачку купюр и пересчитал. Несчастный взгляд мальчика излучал неуверенную надежду...

– Пошёл нахуй! – грубо буркнул я и собирался было уйти, но тут заметил у мальчика торчащую из кармана купюру. – Это что у тебя тут! Ух ты, червонец! А ну давай сюда! Дай сюда, сказал! То-то же! Маловат ты ещё для карманных денег! А теперь съебался отсюда! И чтобы не видел тебя у этого бара, сидишь тут, людям своей бедностью настроение портишь!

Бар мало чем отличался от помещения, в котором обитал торговец: тесная комната, тоже мрачная, тоже обшитая ебучим линолеумом. Из отличий тут были: барная стойка, сколоченная из грубых необработанных досок. За ней стоит какая-то жируха, похожая на торговца, видимо его дочка, с ней разговаривает какая-то тощая пизда, видимо официантка. В помещении восемь пластиковых столов и по три пластиковых стула вокруг каждого из них. Стулья и столы разных цветов и форм, покрыты толстым слоем почерневшего жира или хуй знает, что это вообще. Короче, тут не мешало бы прибраться, причём от души. Хотя, в данном случае, проще сжечь этот бар к ебням.

Кроме меня в помещении ещё пять человек: четыре щуплых мужика, явно «крестьяне» и один малой шкет, лет двадцати, изучающий какие-то записи в тетрадке. Рядом с ним

большой походный рюкзак, а на ногах просто охуительные военные ботинки – я бы убил за такие, бля буду.

Я прошёл к ближайшему столу и сел. У официантки, видимо, выработался инстинкт за годы работы, и она, услышав скрип стула за незанятым столом, резко обернулась и пошла ко мне, оборвав свой разговор с жирухой.

– Что будете заказывать? – улыбнулась она.

Ей было лет тридцать, если очень внимательно приглядеться, а при беглом взгляде казалось, что все семьдесят – явно бухает с пяти лет и столько же времени ебётся за деньги с кем попало.

– Чай. Горячий. Без сахара. И чего-нибудь похавать. Пару порций.

– Есть макароны с тушёнкой или рис с...

– Да мне похуй, – оборвал её я. – Неси, что хочешь. Только чай сразу. Пить охота.

Она ушла. Краем глаза я заметил, что пиздюк в охуенных ботинках пялится на меня. Хрен с ним, может пидор какой – тогда я не могу его винить: будь я пидором и увидь такого роскошного селезня, как я сам – тоже бы пялился.

Через минуту официантка принесла чай, а ещё через две меня наконец заебал, что малой в охуенных ботинках сверлит меня взглядом:

– Тебе чё надо, малой? – громко спросил я, не поворачиваясь к нему.

Малой дернулся от неожиданности и зашебурился взгля-

дом по бару, ища то ли выход, то ли ответ на мой вопрос. Затем он встал, сгреб тетрадь, запихал в карман, схватил рюкзак и быстро подошёл ко мне.

– У меня дело есть. Мне помощь нужна...

– Пошёл на хуй, – оборвал его я.

Что-то я в последнее время люблю слать всех нахуй.

– Я заплачу! У меня есть... – начал уламывать малой.

– Я сказал, пошёл на хуй, – оборвал его я.

– Пять тысяч... – всё же закончил он.

– Садись, – передумал я и ногой подтолкнул к нему стул.

– Меня Артём зовут, – представился малец и протянул мне руку.

– Заебись, – сказал я и поднял взгляд на официантку, которая в этот момент принесла две тарелки. – Сколько с меня?

– Два по шестьдесят и два по десять. Всё вместе сто шестьдесят.

– Охуенно у тебя с математикой, как посмотрю... – буркнул я, принимая тарелки. – Пиздюк заплатит.

Пиздюк выпучил глаза, но быстро собрался с мыслями, понял, что к чему и достал деньги из кармана. Когда официантка ушла, он продолжил говорить. Я тем временем принялся за еду: походу история будет длинная...

– Я сам с «Пушкинской». У нас беда на станции. Уже несколько десятков людей пропало. Все думают, что это бандиты, а я знаю, что чудища это. Я сам их видел! Но никто мне не верит – смеются. А я вот знаю, что с нашей станции мож-

но на спальную ветку попасть, ту которую открыть не успели, до войны еще. Все думают, что нет такой ветки, что выдумки все это, а мне про неё Сергей рассказал. А он сталкер бывалый. Ему бы поверили. Только вот и его похитили...

Теперь только я и могу метро спасти. Мне найти Деда Архипа надо. Он на Второй Секретной станции живет. Мудрый старец. Говорят, магией владеет. Сила в нём есть какая-то. Он с метро разговаривать может. Сергей говорил, что Архип знает, как на станцию эту попасть. Я Сергею слово дал, если что с ним случится, я Архипа найду. Так что мне к Архипу очень надо – он расскажет, как на спальную ветку попасть. Я всем вход покажу и тогда люди поймут, что я прав и поверят мне. Путь этот заблокировать надо, иначе монстры сначала на «Пушкинской» всех уничтожат, потом и дальше расползутся, а через несколько лет никого в метро не останется. Я вижу, вы человек бывалый. Явно не из крестьян. Поможете мне до Второй Секретной дойти, а?

Я какое-то время задумчиво жевал. Возможно, со стороны казалось, что я размышляю, но на самом деле я просто пытался нащупать языком кость, среди пережёванной жратвы, чтобы не сломать об неё зубы. Наконец я нашёл ее и выплюнул на стол.

– За пять тысяч? – спросил я, вытирая рот рукой.

– Ага, – кивнул он.

В этот момент вернулась официантка.

– Большой мальчик наелся? – спросила она игривым то-

ном. Затем нагнулась ко мне и прошептала в ухо, – Не хочешь поразвлечься? Для тебя со скидкой...

Я ж говорил. Шлюха.

– Спасибо, но лечение гонореи не входит в список моих развлечений.

– Хам! – возмутилась шлюха.

– Шлюха! – парировал я и быстро вышел из бара.

Малец догнал меня уже на станции.

– Так вы можете?

– Да, – ответил я не оборачиваясь. – Пошли.

– Прямо сейчас идём? – удивился малой.

– Нет, блять, завтра... Сейчас, ясен хуй. Мы уже в пути, если ты не заметил. А теперь завали ебало и иди молча.

Малой кивнул и пошел следом за мной. Тоннель, ведущий по направлению к «Пушкинской» не был заблокирован вагоном – только невысокой баррикадой из мешков. Видимо, они активно торгуют с «Пушкинской», поэтому и не стали перекрывать проход капитально.

Пройдя мимо четырех погранцов, я перелез через мешки и направился в тоннель. Пацан следовал за мной. Оказавшись в темноте, я включил фонарь – на этот раз он заработал сразу. Малой тоже включил свой прожектор. Фонарем я это назвать не могу, хуярил так, что дымились стены.

Минут десять мы шли в молчании. Это было охуенное время. Но потом пиздюка прорвало:

– А вам не жаль, что мы вот так вот уничтожили мир,

который нас окружал? Ведь когда-то люди жили на поверхности без страха. Над головой всегда сияло теплое солнце, пели птицы. Никто не боялся грязных ветров, не было радиоактивных зон. Еды было в достатке, все жили счастливо. Но человечество все испортило. Мы сами все испортили, понимаете? Нам всегда было мало того, что мы имели. Мы уничтожали природу, не заботились о ней, воевали друг с другом. Вместо того чтобы созидать, мы разрушали. Мы строили огромные заводы, загрязняющие окружающую среду, убивали миллиарды, только вдумайтесь, миллиарды животных ежегодно. Мы уничтожали живых существ не для пропитания, а чтобы делать шубы и другие украшения. Убивали ради забавы. Как же это дико! И в конце концов, мы уничтожили мир своими же руками. И теперь доживаем свой век под землей, а те из нас, кто живут сверху, живут в постоянной опасности. А ведь этого можно было избежать. Мы могли быть добрее. Помогать друг другу, любить друг друга. Наслаждаться миром, который нас окружает. Но теперь уже слишком поздно. Мне кажется, сама природа от нас устала и пытается избавиться от людей, чтобы спасти всё то, что мы ещё не успели уничтожить. Ох, как бы мне хотелось вернуть всё обратно! Идти под голубым небом, среди других людей и ничего не бояться! Вокруг зелёная трава, пение птиц, детский смех! Всё как в фильмах! Я бы всё отдал за это! Ох, вернуться бы назад... Сказать всем, что ещё не поздно остановиться! Я уверен, мы смогли бы стать добрее, смогли бы

стать людьми, в самом светлом значении этого слова! Мы построили бы счастливый мир. Может быть и моя мама была бы жива... Мы жили бы в небольшой квартирке, пили чай и смотрели вместе фильмы по вечерам. Это было бы так замечательно. Жаль, что такого мира больше никогда не будет. Мы просто доживаем последние дни человечества, спрятавшись под землей, словно крысы. Только подумайте, существа, которые считали себя самыми могущественными на планете, теперь прячутся от мира в тоннелях метро.

А ещё мне всегда было интересно вот что. Вы знали, что в метро, в те времена, когда оно ещё работало, до войны, в вагонах, когда поезд подъезжал к станции, объявляли на какую сторону будет выход. Например: «Следующая станция «Пушкинская», выход на правую сторону». Мне дед и запись давал послушать – это правда было – действительно именно так и говорили. Но вот вопрос, вы ведь можете стоять в вагоне повернувшись в любой конец, и право может быть с любой стороны от вас...

Всё время, пока малой рассказывал свои охуительные истории, он шёл чуть позади меня. Но я сбавил ход, сравнялся с ним. Я плавным неприметным движением опустил руку к ножнам, затем резким движением вырвал нож и воткнул пиздюку в рожу.

Нож вошёл с хрустом. Пиздюк захрипел и схватился за голову, но не упал, потому что я держал его за рукоять ножа, как чемодан за ручку. Блять, чутка промазал... Я придержал

пацана за плечо и потянул нож. Вырвать не получилось. Бросив пиздюка на землю, я поставил ногу на его грудь и двумя руками вырвал нож из его лица. Он закричал. Я закрыл ему рот рукой и ударил ещё раз, на этот раз в шею. Сдавленный крик перешёл в бульканье. Я вырвал нож, кровь толчками полилась из раны.

Наконец он затих. Я вытер нож о штаны пиздюка, убрал в карман разгрузки, сел в ногах пацана и стал расшнуровывать его обувь в тусклом свете фонаря.

– Охуенные, блять, ботинки...

Глава четвёртая. Отец мертвеца.

Ботинки оказались мне малы... Вот сука! Преисполненный печали, я с надеждой вытряхнул содержимое походного рюкзака своей жертвы на пути и подсветил фонариком. Жертвы... Сказал тоже. Надо ещё разобраться – кто из нас двоих жертва... Полчаса слушал бредни этого юного эко-активиста – ещё бы чуть-чуть и сам ломанулся на поверхность – плести венки из цветочков и ебать белок. Короче, нужно хоть как-то компенсировать себе моральный ущерб.

Так, что тут у нас? Две тысячи наличкой, шмотки, ржавый нож, несколько книг, с десятков ржавых патронов, открытки с видами разных городов, банки с едой и другой мусор.

Две тысячи?! Вот же ж пидор! Я вскочил на ноги, бросил рюкзак в сторону и залепил пиздюку сапогом в бочину.

– Ах ты уёбок хитрожопый! – заорал я, – Ты кого, блять,

наебать решил?! Так и знал, что ты меня, сука, кинуть решил! Пять штук он даст! Нет у тебя пяти штук, крыса ты охуевшая! Правильно я сделал, что рожу твою ножом проковырял! Сразу почуял, что ты тот ещё пиздабол. Идёт, блять, бдительность мою усыпляет: «Как понять на какую сторону выходить, если «право» может быть с любой стороны?» СПРАВА ПО НАПРАВЛЕНИЮ ДВИЖЕНИЯ ПОЕЗДА, ДОЛБОЁБ!!!

Окончательно выйдя из себя, я захуярил его ногами к самой стене тоннеля. Пинал, наверное, целую минуту, устал очень...

Ладно, хуй с ним – кажется полегчало немного. Надо припрятать этого пидораса, чтобы не бросался в глаза сильно – чем позже найдут, тем позже начнут убийцу искать.

Я поводил «прожектором» лживого пиздюка вокруг себя и почти сразу нашёл то, что искал: у противоположной стороны тоннеля стоял здоровый кусок фанеры. Видимо, задник от шкафа. Я сходил за ним, затем хорошенечко утрамбовал дохлого обманщика с девчачьим размером ноги к стене и загородил фанерой. Теперь, кинув беглый взгляд с путей, любой решит, что это просто гнилая доска стоит у стены – внимания она не привлечёт. Во всяком случае, до тех пор, пока тело за ней не начнёт разлагаться и вонять, но в тот момент мне уже будет похуй – я буду очень далеко.

Я закинул ботинки в рюкзак (сам носить не смогу – так продам), бабки сныкал в карман, всё остальное брать не стал

– затолкал за фанеру, к хозяину.

Закинув рюкзак за плечи, я побрел по тоннелю, освещая себе путь «прожектором» и насвистывая один из своих любимых походных мотивчиков.

К Пушкинской я вышел где-то через полчаса. Проход на станцию был собран по классике: невысокий завал из мешков, а за ним четверо погранцов, одетых во что попало, словно бедные крестьяне (живут тут явно поскромнее).

Я вырубил фонарь и спрятал его в рюкзак: хрен с ним, что у меня портфельчик местного пиздюка – это может быть просто совпадением, но если я тут ещё и фонарём его щеголять начну, то это уже будет неплохая заявочка на подозрение в грабеже, со всеми вытекающими.

Когда я подошёл совсем близко к завалу (оставалось буквально метра четыре), погранцы наконец услышали мои шаги и включили прожектор. Охуенная бдительность... Видимо, с Василеостровскими в дружных, а выхода на поверхность там нет никуды, так что кроме соседей ждать с того направления некого – вот и расслабились, уёбки.

– Кто такой? – спросил самый здоровый и бородатый из погранцов.

– Хуй с ногой, – в рифму ответил я, не удержавшись. – С Василеостровской иду. Там в гостях был. У вас мимоходом. На Советскую двигаюсь.

Он смерил меня презрительным взглядом, задержав его

на обресе в кобуре.

– Ну проходи, хромой... с одной ногой. – бородач слегка посторонился, давая мне пройти, но сделал это с какой-то безгливостью, как мне показалось, затем добавил: – Только слышь – ствол в кобуре держи, а то в жопе унесёшь....

– Угу. В жопе твоей мамыши разве что, – огрызнулся я, остановившись и посмотрев пидору прямо в глаза.

– Чё, бля?! – надменное ебало здоровяка вмиг стало разъярённым.

– Ни чё, бля! – дерзко ответил я, занося кулак для смертоносного удара по роже здоровенной гниды. Кажется, пришло время раздать пиздюлей этой банде заплывших жирком петухов!

Через секунду все четверо погранцов корчились от боли в лужах своей крови, отхуяренные донельзя, я же стоял на телах этих косматых гондонов и хохотал жутким демоническим хохотом. Сила богов течёт в моих венах! Глупцы не знали этого и поплатились!

Да пизжу, конечно... На самом деле я получил в челюсть откуда-то сбоку, не успев даже донести свой кулак до цели. Дальше меня повалили на землю и хуярили в восемь ног, громко матерясь (дословно не воспроизведу, но, кажется, слышал что-то про охувшего пидора, сына шлюхи и ещё что-то о том, что меня непременно выебут, после того как убьют).

И как мне удаётся вечно влипать в подобные передраги?

Хотя, быть может, не стоило затевать драку один против четверых? Может быть, это было слишком опрометчиво с моей стороны? Да нет, хуйня какая-то! Всё заебись. Я же так и планировал. Ща минутку полежу, отдышусь, усыплю их бдительность и всех по-быстрому раскидаю...

Мой рот стал заполняться кровью, теперь удары тяжёлых сапог сыпятся на голову. Кажется, начинаю терять сознание, надо закрыть голову руками. Вот, так лучше... Я же говорю – всё под контролем.

Кто-то залепил мне под дых. Я сложился пополам, открыв на мгновение голову. Этого мгновения хватило, чтобы кто-то переобал мне в висок. В ушах зазвенело. Ладно, признаю, нухуя я не контролирую... Хорошо хоть ствол не выхватил, придурок – реально в жопу бы затолкали...

Кажется, ребята подуспокоились. Выпустили пар. Удары сыпятся не так активно, без особой ярости, пока ещё не любя, конечно, но как-то по-свойски, именно так, наверное, отцы хуярят своих сыновей, когда узнают, что те заднеприводные. И крики уже не такие яростные – пиздят почти в тишине, усердно пыхтя, словно втайне от мамки ебут престарелую свинью в сарае за домом.

Шутки шутками, но кажись пиздить, будут пока не сдохну. Я не чувствую в себе сил, чтобы исполнять секретные смертельные приёмы, которым меня обучил один монах. В первую очередь потому, что меня нухуя ничему и не учил никакой ебучий монах. Но даже если бы и учил, сил у ме-

ня хватит только на то, чтобы показать этим уёбкам средний палец, а это вряд ли поможет в данной ситуации...

Внезапно я услышал, как с лязгом передергивается затвор автомата (этот звук я ни с чем не спутаю), а следом раздался крик здоровенного пидора: «Разойдитесь нахуй!»

Всё. Приехали. Убивать собрались. Пора активировать скрытые ресурсы своего организма...

Как только меня перестали бить (видимо, разошлись, повинувшись приказу своего товарища), я, собрав последние силы (скрытые ресурсы – помните?), рывком перевалился на спину, выхватил из кобуры обрез и направил на здоровенного уёбка, который, в свою очередь, направил на меня ствол своего автомата.

– Ты чё творишь?! – завопил он с испугом. – А ну брось ствол!

– Пушистую собаку брошу об мамку твою... —пробубнил я какую-то полубредовую чушь (мне простительно – много раз в башку прилетело). Так, секунду, ща исправлюсь: – Мамка твоя белка, блядь, ебётся!

Да уж... лучше ебало пока закрытым держать, а то перед пацанами как-то стыдно... Сука, жаль обрез не заряжен, а то бы и говорить не пришлось.

– Ствол положи, я сказал, мудака! – снова приказал здоровяк. – Никто тебя убивать не собирался!

В этот момент из-за его спины раздался ещё один голос.

– Так! Что тут происходит?!

На сцену вышел седой старикан лет шестидесяти. Явно держит себя в форме. Причём во всех смыслах: и физически он в форме, и одет в заебаную военную форму. Да ещё и нового образца – такую хуй где найдёшь.

– Этот гондон из тоннеля нарисовался, грубить стал, драку затеял! – принялся ябедничать здоровяк, не спуская с меня глаз.

– Драку? Да он же один, а вас четверо! Сами, небось, и спровоцировали... – сердито пробасил старикан, подходя к нему сбоку, почти в упор.

– Никак нет! Он сам начал, – стал оправдываться здоровенный пидор, продолжая держать меня на мушке. – Про мамку обидное сказал...

– Про мамку твою сказал? Да ещё и обидное? – переспросил старик, нарочито сопереживательным тоном. – Ой ты, бедненький мой.... Давай, может, на ручках тебя покачаю? **ТЫ ЧЁ, СОВСЕМ, БЛЯТЬ, ТУПОЙ?!**

Он с силой залепил затрещину здоровяку. Тот испугано вжал голову в плечи. Старик положил руку на ствол его автомата и резко опустил вниз, затем подошёл ко мне и протянул руку:

– Опустить своё ружьишко и поднимайся на ноги, боец.

Мне два раза повторять было не нужно: я убрал обрез в кобуру и ухватился за протянутую руку. Встал с большим трудом: начало, пиздец, болит, сука, всё. Отхуярили меня на

пять с плюсом – молодцы, уёбки.

Старик внимательно осмотрел меня с ног до головы.

– Вот дебилы. – покачал головой он. – Ладно, пойдём, чаем угощу.

Он взял меня под локоть, помогая идти. В обычной ситуации я бы, разумеется, от такой гомосетины отказался, но сейчас без посторонней помощи я смог бы разве что ползти, да и то вряд ли.

Старик оглянулся и ещё раз сердито оглядел всех четверых погранцов, снова покачал головой и повёл меня прочь.

– Ты прости сына моего. Молодой – горячий, да к тому же долбоёб, каких поискать. Сам заберёшься? – он показал на лестницу, ведущую вверх, на платформу.

Я кивнул.

В процессе восхождения стало понятно – эту высоту мне не покорить. Старик придержал меня со спины как раз в тот момент, когда я разжал ослабшие руки, решив ёбнуться назад, на рельсы. В конце концов, с его помощью, я залез-таки на ебучую платформу и лежал там, как мешок с дерьмом, до тех пор, пока туда же не забрался старик. Он поднял меня на ноги с силой, не свойственной большинству стариков.

Когда мы пошли дальше, я обернулся и посмотрел вниз с платформы туда, где стояли погранцы.

– Повезло тебе, что батя за тебя заступился! – прокричал я. – А то зубы бы свои между шпал разыскивал!

Старик ухмыльнулся и подтолкнул меня, приглашая идти дальше.

Я не помню сколько ещё шагов сделал, прежде чем теряя сознание, ткнулся ебалом в пол. Старик меня никуды не удержал – видать, переоценил я его могущество.

Темнота. Занавес.

Глава пятая. Резня

Я пришёл в сознание. Глаза открыть получилось не сразу, но, когда наконец удалось, помещение закрутилось вокруг меня словно...словно... короче, сами придумайте какое-нибудь охуенное сравнение. В башке звенит – пиздец. Что со мной произошло? Где я вообще? Кто я?

А, кажись, вспомнил! Я невзъебенный сталкер по имени Лёха. Гроза мутантов, хозяин подземки, борец со злом и несправедливостью... Но чего я тут разлегся? И где вообще это самое «тут»?

Я поднял руку, чтобы задумчиво почесать ебло, и в тот же миг меня пронзила страшная боль. Заболело практически всё (слава богу не болела жопа, значит меня хотя бы не выебали).

Выебали...трахнули...нахлобучили...пидоры...танцы...платья...косички...Точно! Всё вспомнил! Меня отхуярили! Пидоры с границы... А голубоватый старик помешал мне наказать обидчиков и потащил в лазарет... Потом я упал еблом в пол, а он даже не попытался меня поймать... Бес-

сердечный ублюдок...

Я резко встал с кровати. Точнее, попытался встать. В итоге шмякнулся с кровати, задев краешком ебальника столик с какими-то мисками – они полетели следом за мной и со звоном попадали на пол. В следующее мгновение дверь распахнулась.

– Что тут происходит?! Господи боже, вы чего творите-то? А ну-ка в постель! Сейчас же вернитесь в постель!

Хуй знает, чей это крик... Голову поднимать, чтобы посмотреть на этого горластого уёбка очень впадлу – я ведь только-только нашёл удобное положение: уткнул рожу в острый край какой-то металлической хуёвины. И мне совсем не больно – только одинокая слеза щекочет щёку....

Неведомый уёбок бережно и нежно поднял меня, как мешок с картошкой, и метнул на кровать. Ну хорошо хоть ногой не запнул, и на том спасибо. Я сразу понял, что это доктор – только они могут так бережно обращаться с переломанным пациентами.

К тому моменту, когда я перестал выть от боли, а выступившие слёзы физических и нравственных страданий сошли с глаз, вернув мне способность видеть, этого пидора и след простыл. А знаете что? Да и пошёл нахуй.

Я осмотрелся вокруг. Потолок из досок, стены из досок, вокруг стоят раскладушки. Сраный сарай.

Дверь снова отворилась и вошёл старик. Тот самый здо-

ровак, который спас от меня тех четырех кабанов. В руках у него был мой рюкзак, ебло недовольное... Ой не нравится мне всё это...

– Откуда у тебя вещи моего младшего сына? – без долгих вступлений спросил он грозным тоном, параллельно вытряхивая из рюкзака сапоги и «прожектор».

Так... Надо срочно прийти в себя.... Пришло время охуенных историй и мне понадобятся все мои умственные способности, потому что эта история должна получиться реально охуенной. Иначе мне пиздец: я не в той форме, чтобы отбиться даже от престарелого вояки.

Я скривился от боли, опёрся на локоть, приподнялся, потом оттолкнулся и сел на кровати, затем скрестил руки на груди и нахмурил брови, пристально глядя на содержимое рюкзака. Какое-то время я просидел так, словно силясь понять, что за хуета тут вообще происходит.

– А ты не охуел ли, пидр старый, по вещам моим шарить? – наконец поинтересовался я, вспомнив, что нет лучшей тактики, чем нападение.

– Отвечай на вопрос! – проревел старик.

Походу реально разнервничался. Вон ебло какое красное, видать, младшего сынка любил побольше, чем старшего... Хуёвые мои дела...

– Так мне Тёма снарягу подогнал. А он твой сын что ли? – сделал удивлённое ебло я.

– В смысле подогнал? А ну, хорош тут хуйней страдать! Не

томи! Выкладывай всё и в темпе! – продолжил нервничать старик.

– Да ты успокойся уже! Всё с твоим сыном нормально! – я поднял руки в примирительном жесте. – Короче. Есть у меня напарник – Андрюха Бегемот. Мы с ним уже много лет в тандеме работаем. Как-то мы на Достоевской выход на поверхность организовали – давно это было, тогда вода ещё только сошла. Ну, толку от того выхода немного, сам понимаешь, так что мы про него уже и вспоминать забыли. А тут получилась ситуация неприятная: были совсем неподалеку – универмаг щмонали, а с УАЗика нашего какие-то крысы бензин слили. Пешком идти дело гиблое, так что решили в подземку спуститься – вот и вспомнился лаз тот на Достоевской. Вот только бензина на этой станции, ясно-дело, нет и в помине, так что пришлось на Василеостровскую топать.

И вот там-то мы пиздюка твоего и повстречали. Шкет этот решил нас уболтать на поход до секретной станции – залечил историю про мутантов, пропажу людей, выход на спальную ветку... Муть, короче, какая-то. Разумеется, мы в эти байки не поверили, но если бензин раздобудем, то нам мимо секретных станций один хрен проезжать, так чего бы не подкинуть фантазёра-мечтателя, если деньги нормальные предложит? Выставили сначала семь штук, потому что поездочка не самая приятная – места проезжать сплошь опасные. Потом понизили до пяти. Но у него только две штуки при себе было. Мялся-мялся, а потом вдруг вспомнил, что у него батя

при деньгах. Типа важный хуй какой-то на Пушкинской, и без проблем мне три штуки отдаст.

Я решил – похуй, пусть шкет со мной идёт к батю своему за бабками, а Андрюха тем временем тачку перегонит на Советскую – там и встретимся. А малец сразу заметался: сказал, что так не пойдёт, что батя его со мной не отпустит, если он на Пушкинскую вернётся. Признаться честно, я решил, что пацан мне лапшу на уши вешает: нет у него никакого богатого бати. Но потом прикинул хуй к носу, и решил: хрен с ним, надо извлекать максимум пользы из сложившейся ситуации. Ну и сказал ему, чтобы шмотки ценные отдавал, иначе как батя поверит, что я от его сына пришёл. Он мне поначалу записку хотел написать, но я под дурака закосил, сказал: «Может, твой батя под черка твоего не знает?» В итоге, малой мне фонарь свой подогнал, а я его ещё и на ботинки раскрутил, поменяв на свои запасные кроссовки, а потом ещё и рюкзак забрал, под предлогом того, что не в руках же мне все эти шмотки тараканить.

Старик слушал внимательно. Когда я закончил свою охуительную историю, по его роже всё было ясно: сожрал мою историю, даже не жуя. Но всё равно, ещё несколько минут он сидел молча, даже не моргая, в какой-то момент я начал переживать: а не помер ли дядя от инфаркта.

Наконец, он качнул башкой, словно дав своё согласие на то, чтобы купиться на моё враньё, затем пододвинул стул,

стоявший неподалеку и сел рядом со мной.

– Вот долбоёбы... – покачал головой он, тяжело вздохнув. – Что старший, что младший. Артёмка со своими фантазиями уже всю станцию заебал. Я ему предельно чёткие инструкции выдал: сиди дома, учись службу нести, а хуню эту всю про мутантов из головы выбрось. Но нет, ёб твою душу – они же, молодые, всё лучше нас знают: когда тебе восемнадцать, свою тупость и неопытность легко путаешь с мудростью. Вот и напросился Артёмка на смену, а оттуда и ломанулся на Василеостровскую. Ещё и пост пустым оставил... Ох, надаю я ему сапогом по сраке, как вернётся...

Старик какое-то время просидел молча, о чём-то размышляя, а потом заговорил снова.

– Ты прости, что я по вещам твоим шарил. Я такими делами не промышлял никогда – просто рюкзак узнал. Аж в сердце защемило – испугался, что ты сына моего в карты обыграл или чего хуже – по голове бутылкой приложил да ограбил. А как ботинки увидел, так совсем охуел. Сам знаешь, сейчас ёбнутых целое метро – такие кадры встречаются, которые тебя и за ботинки на нож посадят, глазом не моргнут.

– Ну это ты, надеюсь, просто жути на меня нагнать пытаешься! – округлил глаза я. – Сколько лет живу, а таких отморожков, чтоб за пару сапог человека убили, слава богу, пока не встречал! Только не надо меня разубеждать – мне ещё по тоннелям одному к товарищу добираться!

– Не бойсь! – махнул рукой старик. – Ты вояка матёрый

– не пропадёшь. Давай-ка с тобой так уговоримся: раз мой сын тебе три штуки обещал, я тебе их отдам, но с тобой за это на Советскую пойдёт кто-нибудь из моих ребят. Пусть заберут дурака домой – нечего ему по метро шляться, сам же видел, какой он дебил: цветочек, блять, парниковый. Героем себя возомнил... Спаситель галактики, ёб твою мать... Ох вернётся – пизды получит, мама моя родная... А с моим человеком тебе и самому спокойнее идти будет: никакой лиходеи на ботинки твои не позарится.

– Не вопрос, – кивнул я. – Пойду с охраной. Ток надо сегодня идти, чтобы Андрюхе меня ждать не пришлось. Сам понимаешь, у нас тачка гружёная – на такую любой глаз положит. Тут каждая секунда на счету.

– Добро! Сегодня так сегодня. Ты сам-то точно ходить сможешь?

– Да это царапины всё, – сморщился я. – Бьют как бабы, если честно. Ещё часик полежу и буду как новенький. А чёнить обезболивающее есть? Посильнее чтобы...

– Сейчас придумаем, боец, – ухмыльнулся старик. – Отдыхай пока. Сил набирайся.

Он поднялся, закинул ботинки обратно в рюкзак, похлопал меня по ноге и вышел из сарая.

Фух, блять! Чуть не встрял... Надо срочно уёбывать отсюда и сделать пометку на карте: «Никогда не возвращайся!» Хотя один хуй, пацана найдут – охоту на меня объявят. Нажил врага на ровном месте...

Я лёг обратно на подушку. Через минуту местный доктор принёс мне какие-то таблетки. Кстати, он оказался тощим, как спичка – хуй его знает, откуда в нём столько силы, что он меня так легко на кровать закинул.

Таблетки были что надо, проглотив пару штук, я не продержался и минуты: отрубился. Пришёл в себя, хуй знает через сколько – часов тут не было. Я сел на кровати. Всё по-прежнему болело, но уже терпимо. Подвигал руками и ногами, покрутил головой, поделал наклоны... Кажется, ничего не сломано. Заебись.

Я поднялся на ноги. На столе лежали мои стволы и разгрузка. Рядом с кроватью стояли мои ботинки. Быстро собрался и проверил карманы – бабки на месте, нож тоже. Вышел из сарая. На станции было светло: тут тоже было электрическое освещение. Да и во всем остальном станция тоже очень походила на предыдущую, разве что сараев тут было гораздо больше, были даже двухэтажные постройки. И сама станция очень чистая. Грязи под ногами нет. Вот только как-то победнее тут все, что ли...

Короче, в пизду эти местные красоты – надо срочно найти старика, забрать свои бабки и съёбывать со станции, пока кто-нибудь не пришёл с охуенными новостями: «Ребята, я нашёл Артёмку! Совсемдохлый! Его кто-то прихуярил! И сапоги снял!»

Удача улыбнулась мне: искать старика не пришлось – он вырулил из-за ближайшего сарая.

– Уже на ногах? Так держать, боец! – старик с силой хлопнул меня по плечу. – Ну что, пойдём ужинать? Я угощаю.

– Да не, – покачал головой я. – Там Андрияха с Артёмом заждались, наверное. Надо срочно к ним выдвигаться. Засиделся я тут – сколько я вообще в лазарете провёл?

– Да часов шесть-то точно, – ответил старикан. – Ну, ты в целом прав – так что уговаривать не стану. Да и ночь уже скоро... В следующий раз тогда посидим – угощу тебя местным пивом. Давай тогда до тоннеля тебя провожу, а там кого-нибудь к тебе приставлю, из пацанов.

У тоннеля мы оказались уже через минуту. Тут выход был заблокирован вагоном – всё как полагается. Мы зашли внутрь – там сидело пять погранцов (в карты не резались – светили в тоннель, внимательно наблюдая за обстановкой).

– Так, Толя! Пойдёшь с этим бойцом до Советской, там возьмёшь Артёма и веди его сразу ко мне. Будет выёбываться – дай пизды, разрешаю. Задачу понял?

– Так точно! – отсалютовал старику рыжий Толя – парень лет двадцати пяти в чёрном спортивном костюме с полосками. У Толи на левой руке я заметил просто охуеннейшие часы с компасом...

Глава шестая. Не смотри на меня

Я посмотрел на свои охуенные часы. Да, теперь у меня их двое, так что я могу сверять их друг с другом. Уже почти двенадцать часов ночи. На Советской, должно быть, уже от-

бой.

Кажется, этот день смог смыть с себя клеймо самого хуёвого. Если днём я был совершенно на мели и насквозь провонял каким-то неведомым дерьмом, то сейчас я был чист, у меня появились новые охуенные часы с компасом и почти восемь штук денег: семь сотен дал жиробас-торговец, две штуки подарил пиздюк-философ, три подогнал его батя в благодарность за то, что я избавил его от мелкого пидора, и ещё две пожертвовал мой ныне покойный лучший друг Толя, выделенный мне в качестве напарника для похода на Советскую.

Короче, живём. Надо будет найти, где поспать, а утром купить патронов и жратвы, да сдёрнуть отсюда к ебням. Думаю, до утра кйпиш на Пушкинской не поднимут, а вот потом, старикан точно приведёт сюда целую армию, чтобы найти меня и повесить на электрическом кабеле.

Вскоре, далеко впереди появилась светлая точка. Вот и Советская.

Я подошёл ко входу на станцию. Тоннель заварен стальными листами, а прямо перед моим носом здоровенная тяжёлая двустворчатая дверь. Сбоку от неё узкий проём, из него прямо мне в ебало светит фонарь. Недовольно сощурившись, я закрыл лицо рукой, прикрываясь от слепящего луча.

– Кто такой? – раздался суровый женский голос из проёма.

– Сталкер, – ответил я.

– Понятно, – ответил женский голос безразличным тоном,

со скрипом отворяя дверь.

Нахуй вообще было спрашивать кто я, если похуй? Вот же ж, тупая пизда...

Я вошёл внутрь.

По ту сторону стояло пятеро бойцов: двое у проёма с фонарём на треноге, а ещё трое сидят у костра в нескольких метрах от входа. Все в чёрной форме, такую носят наёмные сталкеры, когда на службе.

Да уж. Раньше сталкеры только на поверхности магазины шмонали – тушняк собирали. А теперь, погляди-ка – brave наёмники. Элитные войска подземелий, бя. Охраняем границы, держим тюрьму, сопровождаем заключённых, участвуем в боевых столкновениях за ту сторону, которая больше платит. Нас нанимают не только подземные жители, но и те, кто живёт на поверхности. Да и многие сталкеры тоже переселились наверх... Короче, разрастаемся. Мы заняли пять станций под землей, плюс держим два крупных поселения снаружи. Конкуренции в нашем ремесле мало: есть всякие мелкие боевые группировки, да бандиты, которых нанимать станет только ёбнутый – это ж наглухо отбитые отморозки. Правда бандитов до хера, и сталкеров они пиздец как не любят.

Ладно, хуй с ним, хорош тут стоять на проходе и думы думать. Вон уже смотрят с подозрением: ни то палить начну, ни то хер показывать.

Я прошёл немного дальше, свернул к деревянной лестни-

це и поднялся на платформу. Да, Советская всё такая же... Точнее, хуй его знает, может и другая совсем, но с этой позиции нихуя не изменилось: дома выстроены под самый потолок, все из красного кирпича, все расположены строго по плану, а между домами оставлены узкие улочки и места для загонов и подземных грядок.

Такая сложная и монументальная архитектура тут нихуя неспроста. На этой станции выход наружу. Если какие твари, включая людей, попрут сюда сверху – сколько бы их ни было, сдержать их сможет совсем небольшая бригада. Все двери быстро запрут, окна есть только под самым потолком. Нежданные гости окажутся в узких каменных коридорах, и их быстро уничтожат прицельным огнём сверху или же закидают горючими бутылками (пожара не случится – гореть нечему).

Я шёл по узким улочкам, освещённым масляными лампами. Стояла тишина, вокруг не было ни души – видимо, все уже спали. На стенах тут и там намалёваны указатели: «Кабак – второй поворот налево», «Выход на поверхность – первый поворот налево и см. указатели», и масса других.

Наконец, я увидел надпись «Ночлежка» у одной из дверей... То, что надо. Я подошёл и дёрнул ручку на себя. Деревянная дверь со скрипом поддалась. Я вошёл внутрь.

Небольшое помещение, стены такие же, как и снаружи: кирпич без отделки. Освещение тусклое – снова масляные лампы. В зале около десяти самодельных деревянных столов,

вокруг которых расставлены деревянные стулья. В углу помещения стоит массивная барная стойка, а по ней растёкся какой-то жирный пидр. Спит, падла, в рабочее время. Рядом со мной наверх, на второй этаж, уходит лестница из проржавевшей стали.

Все столы, кроме одного, пустуют. За ним сидит компания их трёх лихого вида мудаков: явно конченные уёбки – уверен, отморозки с бандитских станций.

Я прошёл и сел за свободный столик. Один из мутных уёбков оглянулся на меня, внимательно изучил взглядом, потом развернулся к своим друзьям-пидорасам и что-то сказал, после чего они тоже посмотрели на меня. Всё ясно, блять... Не мог этот день закончиться хорошо. Интересно, успею я хоть пожрать?..

Нет, никуя не успею, встают уёбки.

Они подошли с типичными для шайки отморозков охуевшими ухмылками: чуют своё численное превосходство, мрази гнилые. Двое с наглыми ебальниками сели за мой стол, а третий подошёл ко мне и поставил ногу на стул, стоящий рядом. Он облокотился на ногу и наклонился поближе ко мне.

– Слышь, – заговорил он. – Ты чё тут...

Я выхватил ствол из оперативной кобуры быстрее, чем он успел изменить выражение лица с наглого и надменного на испуганное и обосравшееся.

Оглушительный хлопок, и уже никто никогда не определит, какое у него было выражение лица перед смертью: разо-

рванное пулей ебало расплзлось в кровавую кашу. Отморозка бросило назад, и он ёбнулся в проход между столами.

Следом последовало ещё семь ритмичных выстрелов: два в грудь первому уёбку, два в грудь второму, возвращаемся к первому – выстрел в голову, возвращаемся ко второму – выстрел в голову, переводим ствол на проснувшегося бармена, выстрел в голову...

Вот бля! Увлёкся. Бармена-то нахуя?

Тишина. Но насладиться ей мешает привычный звон в ушах. В воздухе стоит запах пороха, в глазах мутно от дыма, в руке дымится ствол, вставший на затворную задержку.

Да уж. Кажется, у меня проблемы... Зря я бармена ёбнул. Но ничего не перепишешь – был бы магом – воскресил бы... Хотя нет, наверняка, наколдовал бы себе нормального бухла и сапоги, как у того пацана, только чтобы под мой размер ноги. Хуй с ними, с мечтами, надо съёбывать. Причём срочно...

Я быстро встал со стула и пошёл к выходу, открыл дверь и вышел наружу. Вот блять, поздно! Сюда бежит целая бригада сталкеров. Я быстро вернулся в обрыгаловку и запер дверь на защёлку. Они её разьебут за пару минут, ясен хуй, но мне большего и не надо.

Я бегом поднялся на второй этаж, внизу начали колотить в дверь. Надеюсь, пацаны не сразу поймут, что дверь открывается в их сторону.

На втором этаже никого нет. Заебись, хоть с этим повез-

ло. В помещении восемь раскладушек и восемь тумбочек с замками, пол из досок. Я быстро отодвинул ближайшую тумбочку, сел на пол и загнал нож между досками. Потянул – никуды не вышло. Попробовал следующую. Заебись – поддается. Через несколько мгновений мне удалось её поднять. Я заглянул внутрь: кажется, места хватит. Достал обрез и ки-нул туда, потом принялся снимать набедренную кобуру – это заняло больше времени: пришлось вытягивать и ремень, к которому она крепилась. Наконец, бросил в дыру кобуру, туда же отправил часы с компасом и бабки. Поставил доску на место, задвинул тумбу. Снизу послышался треск: дверь сло-мали. Раздались быстрые шаги множества сапог.

– Тут минусà! Трое! Все с огнестрелами! Работаем осто-рожно: стрелки работают профессионально. – раздался го-лос. Через мгновение он добавил:

– Нашёл четвёртого! Бармена тоже ёбнули!

Следом я услышал другой голос:

– Наверняка наверху сныкались! Давай дымовуху, ща вы-курим!

– Нахуй ваши дымовухи! – прокричал я. – Спускаюсь! Я один! Проблем не будет! Эти уёбки первые начали – я просто защищался!

– Окей, боец! – охотно согласился тот же голос, который мгновение назад хотел меня задымить. – Давай только херни не твори! Кинешь гранату – мы тебе её обратно закинем, и ещё две добавим! Тут шесть сталкеров! Снаружи ещё столь-

ко же! Все опытные! Если задумал хуйню какую, брат – раздумай нахуй!

– Договорились, командир! Только и вы там не нервничайте! Ща ствол скину и нож! Спускаться пустой буду! Руки на виду держу!

Я кинул вниз ствол: он упал с глухим стуком. Следом со звоном ёбнулся нож.

Ну... надеюсь, не захуярят. Хотя, сталкеры – не отморозки, не должны.

Я начал спускаться вниз. Чем ниже я спускался, тем больше ожидал услышать крик «Вали его!». Но переживания оказались напрасными – ребята стрелять не собирались. Наконец я оказался перед ними, с поднятыми вверх руками. Да, их реально шестеро. Ебальники не злые, скорее суровые, сразу видно – сталкеры.

– Ну, – заговорил усатый крепкий мужик лет под пятьдесят. Тот самый, с которым я уже успел пообщаться, – рассказывай, что ты тут натворил и нахуя?..

Я задумался на пару мгновений, размышляя над тем: правду сказать или спиздеть поэлегантнее?

– Эти пидоры напали, я их ёбнул, – наконец выдал я.

– И бармен тоже на тебя напал? – скептическим тоном спросил он. – Нелестно отозвался о его стряпне?

– Бармен случайно пулю словил, – признался я. – Надо было ему под стойку прятаться, когда стрельба началась, а он стоял, еблом торговал.

Усач призадумался на какое-то время, затем покачал головой.

– Скажу честно, браток, хуёвые твои дела, при любых раскладах хуёвые.

Глава седьмая. Неудачное лечение

– Эй, уёбок! Хорош карандаши переводить! Собирайся, к тебе пришли!

Сталкеры в этой тюрьме меня не любят: не нравится им, что за пять лет, которые я провёл в заключении, я отмудовал несколько десятков их собратьев и даже убил одного. А скольких сокамерников я покалечил, я уже и не сосчитаю...

Но можете быть уверены: каждый из этих пидоров получил именно то, что заслужил. Никогда не выёбывайся на тигра, сидящего в клетке... Во всяком случае, когда ты находишься в той же клетке.

В общем, последние четыре года я сижу в этой тесной вонючей сырой камере, с неизменным соседом – Фёдором Михайловичем. Меня подселили к нему в надежде, что я не найду поводов убить старого богобоязненного жулика.

И действительно. Поводов я не нашёл. Так что, Фёдор Михайлович стал моим единственным товарищем в этом ужасном месте. Более того, он мой самый преданный читатель. Да-да, вы не ослышались – я начал писать. Из-под моего карандаша, точнее карандашей (извёл я их немерено), вышел не один десяток поистине великолепных книг.

Кстати, ещё до всего этого пиздеца, я проявлял немалый интерес к литературе. Помню, даже как-то сломал ебло сыну учительницы по литературе. По-моему, куском ржавой арматуры. Хорошие были времена...

– Бля, не начинай, а, – снова занудел тюремщик, – Давай хоть раз по-человечески! Просто встань, и мы проводим тебя в комнату для посещений! Ну будь человеком, ёбана в рот!

Я наконец отложил карандаш и поднял на него глаза.

– Хуй с тобой, Жека. Раз ты по-человечески просишь – будет по-человечески.

Подойдя к решетке, я повернулся к ней спиной и просунул руки в небольшое окно. Жека-тюремщик расширил глаза от удивления: видимо, не ожидал от меня такой покладистости. Хули – будет уёбку, что внукам рассказать. Он быстро достал наручники и сомкнул их на моих запястьях. Затем пошарил на ремне и снял другой ключ, которым отпер камеру. Двое его друзей подняли автоматы, взяв меня на прицел.

Выходя, я обернулся и посмотрел на Фёдора Михайловича, который самозабвенно читал одну из моих ранних работ.

– Дядь Федя, я там последнюю дописал почти! «Убивай или Сдохни» называется! Можешь почитать, если хочешь! Почти автобиография!

Приходилось кричать, потому что дядь Федя был туговат на ухо.

Фёдор Михайлович поднял голову и уставил на меня рас-терянный взгляд. Старый пёс, даже не заметил, что меня уво-

дят. Возраст, хули... Он ещё какое-то время смотрел на меня, как собака на летающую тарелку, затем его лицо прояснилось.

– Вот это дело! – воскликнул он. – Это, брат, от души! Прям щас читать и начну! А то эту по седьмому кругу перечитываю! Ох и порадовал старика, ох и порадовал! А ты-то сам куда?

– На свиданку! – ответил я. – Ты смотри, Фёдор Михайлович, если не вернусь – можешь издать под своим именем все мои книги, как откинешься! Или псевдоним возьми какой, Чехов там или Лермонтов! В общем, что-то приближенное по величию к моему литературному гению!

Старик улыбнулся, отложил толстенную пачку истрёпанной бумаги и стал нетерпеливо слезать с кровати.

Я вышел из камеры. Когда я уже шёл по темному коридору под конвоем трёх петухов, я услышал крик:

– А там, о чём вообще?!

– Про долбоёба одного! На меня в молодости похож! – прокричал я в ответ.

Три минуты спустя меня ввели в комнату для свиданий.

– Андрей Алексеевич! Здорова! – поприветствовал я своего старого товарища.

Кстати, я уже упоминал его раньше: собирался впарить ему пульт с Достоевской. Подозреваю, что Андрей Алексеевич заднеприводный, но это дело не моё, главное, что мужик хороший, да за моей жопой не охотится, а кого он там ебёт:

мужиков или мутантов – это уже его дело.

Я жив только благодаря Андрею Алексеевичу и его связям. Меня бы ещё после первой стычки с тюремщиками к стенке поставили, но Андрей Алексеевич ясно дал понять: сдохну я – сдохнут все, кто причастен. Связи, хули. Он всю Караванную держит. А брат его – заправляет на Армейской. В общем, он похлопотал, чтобы и камеру мне нашли поспокойнее и сильно не мешали жить. Да что говорить, я как писать задумал, он мне бумагу подгонял каждую неделю и карандаши. Отличный мужик, одним словом. Всё сетовал, что вытащить меня не смог. Но там нихуя не сделать было: бандиты и бармен – хер бы с ними, но вот пацана того я зря захуярил, походу. Батя его – человек влиятельный и очень сильно достать меня хотел. Даже приходил сюда со своими ребятами однажды. Угрожал штурмом тюрьму взять, если меня ему не отдадут. Не отдали. Андрей в тот день тут был. Вышел к ним, поговорил и они съебались. Короче, батя пиздюка того каждый месяц присылает кого-нибудь убедиться, что я тут заперт и страдаю. Причём в разное время, чтобы неожиданностью было. Короче, вытащить меня нельзя. Ну, спасибо хоть живой остался, стараниями Андрея.

– Ты как тут поживаешь, дорогой? – спросил он, крепко обнимая меня.

– Если ты не трахнуть меня пришёл, то отлично – ответил я.

– Язык твой поганый... – покачал головой он. – Сколько

лет жду, что ты вырастешь – нихуя не дождусь, походу. Всё такой же пацан...

– Сколько лет жду, что ты мужиков перестанешь ебать...

– Ладно всё! Не заводи свою гомофобную шарманку. Все эти подкольчики слышал и не раз. Я по делу. Новости у меня. Хорошие. А может и нет, – он посмотрел на Жеку-тюремщика. – Отцепи его, и можете пока покурить.

Жека освободил мне руки и кивнул своим товарищам на выход. Когда дверь закрылась, Андрей Алексеевич указал мне на стул, стоящий рядом со мной, а сам сел на другой, стоящий у стены. Когда я сел, он заговорил снова.

– Короче, к делу. Метро осадили твари какие-то. Сначала на Пушкинской появились, а теперь по всему метро расползлись. Как они сквозь границы проходят незамеченными – хуй его знает. Видели их вживую всего несколько человек. По описаниям – пиздец какой-то жуткий. Тем временем, люди пропадают сотнями. А среди подозреваемых только эти твари, хотя даже не доказано, что они к исчезновениям причастны, потому что свидетелей нападений нет. Короче, вполне возможно, что и не расползаются они по метро, а исчезновения имеют под собой какую-то другую причину. Может, работоторговцы с поверхности какие тут охотятся или каннибалы – хуй его знает. Но, короче, в метро паника. А тот хер, чьего сына ты ёбнул – Николай, крышей потек. Стал рассказывать, что сын его правду знал, что с их станции выход есть на «спальную ветку», и что твари эти вообще из-за «Белых

стен» пришли. Короче, всю станцию свою перерыл в поисках прохода секретного, а когда не нашёл нихера, решил сам тоннель вырыть к «спальной ветке». Рыл-рыл, и упёрся в Белую стену, ясен хуй.

В общем, последний год он пытается с бандитами договориться, чтобы те его на секретные станции пустили. Думает, там мужик какой-то есть, который знает, как на «спальную ветку» попасть. Но те прайс выкатили нереальный за то, чтобы Николай мимо них со своими бойцами без опаски пройти смог. А у него деньги хоть и водятся, станция же небедная, но таких сумм нет даже близко. Короче, клянчил он деньги где только можно, но никто не дал ему ни копейки, ясен хуй – все знают, что он умом тронулся после смерти младшенького. В итоге недавно пошёл слух, что он людей ищет, которые готовы на секретную станцию отправиться – либо с бандитами договориться, либо мимо них прокрасться, либо ещё что-то придумать, чтобы старика того отыскать. Тут-то я ему на уши и присел: давай, мол, убийцу сына твоего туда отправим; сказал, что ты раскаялся, каждый день господу молишься за грех на душу взятый, и что с радостью искупишь свою вину перед сыном его таким вот образом, выполнив то, что сам обещал когда-то покойному. Короче, два дня ему мозги ебал и в итоге уговорил. Улавливаешь, к чему я клоню?

Я всё это время слушал с каменным лицом. Нет, охуенная история, конечно, но я, честно говоря, рассчитывал, что он принёс с собой какой-нибудь пирог мясной или колбасу до-

машину: под хавчик-то было бы интереснее уши напрягать.

– К тому, что ты освободишь меня, и я съебу из метро на поверхность отъедать бока на заслуженной пенсии?

– Нихуя, блять, подобного! Если я тебя вытащу, ты должен будешь старика найти или какое-то доказательство принести того, что ты на секретных станциях был и мужика этого ебучего искал!

– Это ещё схуяли? – возмутился я, скрестив руки на груди.

– Да потому что я за тебя, пидора, слово своё дал! Ручался, блять! Моё слово в метро на вес золота! Если ты съёбёшь куда, то репутации моей пиздец придёт! Понимаешь ты это?! Если я тебя отсюда вытащу, я должен уверен быть на тысячу, блять, процентов, что ты до второй секретной дойдёшь или сдохнешь в безуспешных попытках! Короче, выбирай: или через бандитов проникнешь на секретные станции искать старика-волшебника, лепреконов или любую другую поеботу, которая хоть отдалённо похожа на то, что ищет этот свихнувшийся долбоёб, или, блять, сгниёшь тут со своими книжками ебучими!

Я крепко задумался. С одной стороны, мне, конечно, и тут охуенно. Пошлю-ка я его нахуй, наверное, и пойду в свою камеру писать «свои ебучие книжки». Я изменился. Теперь я писатель, а не охуенный искатель приключений...

Да шучу я, конечно, какой я нахуй писатель?

– Ясен хуй, я согласен. Что за вопрос дебилный? Да я лучше один против стаи этих ваших мутантов-похитителей

выйду, чем ещё один день в этом гадюшнике проведу. Забирай меня отсюда нахуй, старый ты пидор!

Глава восьмая. Беженцы

Наконец-то свобода! Прохладный сырой ветер с приторным запахом мокрого цемента обдувал моё счастливое ебало. Под ногами шпалы, заваленные пустыми банками и окурками, у стен, под самый свод взгромоздились разномастные мешки, набитые мусором. Прямо на меня смотрела непроглядная тьма тоннеля, ведущего на Гагаринскую. Я был одет в тюремную робу серого цвета с номером «ноль один четыре» на груди. На моих руках наручники, оружия мне не выдали.... «С какого, блять, хуя?» – спросите вы?

– С какого, блять, хуя?! – спросил я, обернувшись к Андрею Алексеевичу, который стоял у меня за спиной в компании Жеки-тюремщика и ещё двоих сталкеров, вооруженных автоматами.

– Это вынужденная мера. Я тебя знаю. Ты себя тоже знаешь. Дай тебе свободу – и ты съебёшься на поверхность, положив хуй на любые обещания.

– Нахуя этот цирк?! – возмутился я. – Когда я тебя подставлял?! Я ж слово дал, ёбт!

– Блять, давай только без этих сцен. Ты отличный парень, но при этом пидор конченный. Мать родную через хуй опрокинешь, дай только повод. Так что давать тебе удобную возможность меня набать я не стану. Короче, под конвоем дой-

дёшь до Первомайской, там получишь снарягу и ствол. Оба тоннеля будут под присмотром, пока не вернёшься. На поверхности, с «Бандитских станций», тоже команды выставлю, вылезешь наружу – ёбнут сразу. В общем, мотивация выполнить задание у тебя теперь охуенная. Поверь, больше шансов сдохнуть, если решишь съебаться, чем если отправишься на «Бандитские», как я тебя прошу. И злиться на меня не надо: потом ещё спасибо скажешь.

Я поразмышлял какое-то время. В его словах есть резон, ведь я действительно планировал съебаться, как только выйду отсюда.

– Хуй с тобой, – наконец пожал плечами я. – Давайте тогда по-быстрому этот вопрос решим, потому что у меня дела и поважнее есть, чем гоняться за плодами наркотических фантазий какого-то пиздюка и его пизданутого бати.

Обняв Андрея Алексеевича напоследок, я, под конвоем, отправился в путь.

Мы шли по тоннелю уже давно. Меня сопровождали двое: Жека, одетый в чёрную прыжковую форму, с чёрной же разгрузкой и в чёрных высоких сапогах на шнуровке, и ещё один рыжеволосый пидр, одетый точно также. При ближайшем рассмотрении я вдруг понял, что два этих рыжих уёбка – братья.

Мне выдали небольшой розовый фонарь-свинку с динамо-генератором, и теперь я каждые две минуты дробил пластиковый рычаг, чтобы фонарь не потух. Уверен, такой фо-

нарь рыжие уёбки выдали мне шутки ради: небольшая месть за то, что заёбывал их до кровавых слёз несколько прошедших лет. Эти два пидора идут по бокам от меня с охуенными фонарями-дубинками и, наверняка, улыбаются каждый раз, когда слышат жужжание заряжающегося генератора моего свино-фонаря.

– Ладно, давайте привал устроим, – оборвал мои мысли о свинаре Жека, резко остановившись и сбросив огромный чёрный рюкзак на шпалы.

Его брат незамедлительно последовал его примеру, и, бросив точно такой же рюкзак рядом, сел на рельс, устало выдохнув. Жека сел рядом с ним, покопался в рюкзаке и достал электрическую лампу на аккумуляторе. Он поставил её между собой и братом и включил. Вокруг них образовалось кольцо тусклого света. Затем он достал из кармана пару сигарет, передал одну брату. Они раскурили самодельные сигареты от одной спички и стали задумчиво выпускать дым, смотря себе под ноги. Казалось, они полностью забыли о своём существовании.

Я какое-то время смотрел на них сверху вниз, продолжая по привычке драть. Бля, я не это имел в виду! Я продолжал драть рычаг своего свинаря! Блять, теперь даже так звучит не очень... Короче, это продолжалось целую минуту: рыжие пидоры продолжали задумчиво и пафосно курить, словно разыгрывая сцену из боевика, в которой они только что отомстили за смерть своих близких и теперь в их даль-

нейшей жизни нет никакой цели и смысла – осталась только боль, которую они не могут показать зрителю, потому что они брутальные герои, а не какие-нибудь плаксивые пидоры.

Прошла ещё минута. Они раскурили по следующей сигарете. Я продолжал заряжать фонарь, хотя он уже святил так ярко, что стена тоннеля начала плавиться от его смертоносного сконцентрированного луча.

– Вы чем, блять, долбоёбы занимаетесь?! – наконец не выдержав, любезно поинтересовался я, скривив недовольный ебальник.

Оба подняли на меня удивлённые, почти испуганные от неожиданности взгляды. Видимо реально забыли про меня... Кретины, блять...

– Решили разыграть сценку какую-то разпизданутую? Святые из Бундока что ли? А ну, блять, встали и пошли дальше, уёбки!

Эти пидоры просто покачали головами, словно я сказал какую-то нелепую хуйню, и вернулись к репетиции театрально-драматического курения. Я смотрел на них ещё секунд двадцать, и, когда наконец решил переебать с ноги в рыло Жеке, который сидел ближе всего ко мне – он, словно прочитав мои мысли, нагнулся к рюкзаку, зажав тлеющий хабыч в зубах, и стал рыться в нём. Наконец он достал оттуда банку и нож с обмотанной синим скотчем рукоятью и бросил их мне под ноги.

– Похавай пока. Ща покурим и дальше пойдём. Только

мозги не еби, один хуй сегодня до Гагаринской дойдём.

– Быстро давайте, – сказал я и с недовольным видом сел на рельс, взяв в руки банку и нож. В наручниках вскрывать банку было не так неудобно, но я всё равно открыл её без особого труда. Тушёнка. Заебись! Люблю тушёнку. Я стал жадно поедать холодное мясо, вытряхнув белый твёрдый жир себе под ноги.

– Вот скажи, – вдруг обратился ко мне Жека. – Чего ты злой такой? Нахуя на всех кидаешься?

Оторвавшись от еды, я посмотрел на Жеку, который внимательно смотрел на меня. Я задумчиво прожевал здоровый кусок говядины.

– Ну, тут ведь как у львов, – наконец заговорил я. – Кто громче всех рычит, тот и мамку твою наперёд остальных жelaющих ебёт.

Жека покачал головой.

– Бесполезно, блять.... Какой смысл с тобой по-человечески разговаривать вообще? Не можешь ты по-человечески общаться. Я ж, когда тебя только привезли к нам, слова тебе плохого не говорил. Наоборот, старался устроить с удобством. Да все к тебе по-доброму отнеслись, с пониманием. А ты взял и Федьку убил. Двух дней не прошло, а ты человека ни за что жизни лишил – просто за то, что он работу свою делал – преступников охранял, ведро с говном твоим выносил... Отличный парень был... Не мало людей спас на поверхности, ещё до того, как в тюрьму служить пошёл. В

жизни ни одному заключённому слова плохого не говорил. Всех вас жалел, а ты его задушил – четверых детей сиротами оставил. Но я одного понять не...

– Это ты так ситуацию видишь, – прервал его я. – Если ты действительно поговорить об этом хочешь, то я тебе расскажу, как дело было на самом деле, вот только ты не поверишь мне никуя...

– Если правду скажешь – поверю, – с чувством уверил меня Жека.

– Хуй с ним, давай попробуем, – махнул рукой я. – Только попить дай – мясо в глотке застряло.

Я протянул руку, а Жека любезно протянул мне бутылку. В последний момент я кинулся на него. Нож спрятанный в другой руке он не заметил. Лезвие вошло в артерию. Я понял это по мощной струе крови, ударившей из его шеи, когда я вырвал нож и откатился в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.